

святитель
Игнатий Брянчанинов

*Отверзите
двери
Богу...*

**Отверзите двери Богу... Из
духовного наследия святителя
Игнатия Брянчанинова**

«Сибирская Благовонница»

2009

Отверзите двери Богу... Из духовного наследия святителя Игнатия
Брянчанинова / «Сибирская Благовонница», 2009

Епископ Игнатий Брянчанинов явил в себе редкий образец сочетания большой образованности с высокой духовностью. Все свои знания и таланты он щедро отдал своей родной Православной Церкви. Главное содержание его трудов – ревностное желание помочь христианам возгореться духом к искоренению порока и насаждению внутреннего благочестия в сердцах своих.

, 2009

© Сибирская Благовонница, 2009

Содержание

Изречения святителя Игнатия	5
Поучения святителя Игнатия	20
О прелести	22
О приготовлении к молитве	27
О молитве Иисусовой	32
Слово об упражнении молитвой Иисусовой	36
О пути соединения человека с Богом и о мире Христовом	48

Николай Посадский

Отверзите двери Богу... Из духовного наследия святителя Игнатия Брянчанинова

Изречения святителя Игнатия

A handwritten signature in cursive script, likely belonging to Archimandrite Vladimir, written below the portrait.

1. О Всемогущем Боге и Его Премудрости говорит книга природы и Евангелие.
2. Самое дорогое сокровище у человека—Бог. Христос – Божия Премудрость.
3. Дух Божий почивает на святых, распявших плоть со страстями и похотями.
4. Душа соединяется во един дух с Господом, соделывается невестой Духа, сестрой и воспекает хвалу Богу: «Поим Господеви, славно бо прославися».

5. Читай Евангелие, ищи святую истину; читай делами книгу жизни, читай жизнью, ибо Евангелие решит твою вечную участь.

6. Слово Божие – истина, заповеди евангельские – истина, а всякий человек – ложь.

7. Вера во Христа – жизнь.

8. С верой будем упражняться в чтении книг, написанных святыми угодниками Божиими, почерпая в них просвещение и жизнь души. Будем удаляться от книг лжеименного разума, ибо они наводят нравственный потоп, тьму, истребляют веру во Христа, уничтожают совесть.

9. Мнение людей и целого общества не имеет никакого значения, если оно противоречит Священному Писанию и писанию святых отцов, если оно содержит в себе богохульство.

10. При разлучении души от тела видимой смертью, мы вступаем в разряд и общество духов. Для благополучного вступления в мир духов необходимо благовременное образование себя законом Божиим, для чего и предоставлено нам время – земная жизнь.

11. Ум наш в заблуждении, о Боге мы можем знать только то, что Он Сам открыл нам.

12. Место жительства злых духов – поднебесная, или воздух, поверхность земли и внутренность земли, или преисподняя.

13. Люта ненависть падших духов ко всем христианам, в особенности к монахам и посвятившим свое девство Христу. Они стараются совратить ум противозаконными и скверными помышлениями. Пламенея ненавистью к христианам, они употребляют все средства к возвращению нам доступа на небеса, чтобы мы не вошли туда, откуда они ниспали.

14. Антоний Великий, взирая на множество сетей диавола, по всему миру распростертых для уловления человека в погибель, с плачем зывал: «Господи! Кто же может миновать эти сети и получить спасение?»

15. Расставлены сети для ума моего в различных книгах, написанных под явным влиянием злобного разума сатаны, учениях, мудрованиях; яд лжи испивается из чаши ядовитого знания.

16. Для сердца готовы грубые и тонкие сети человекоугодия, лицемерства, тщеславия, обмана, мечтательности. Для тела столько сетей, низводящих человека до подобия скотов бессловесных, что забывается Бог, душа, небо, вечность, назначение человека.

17. В последние времена по причине беззакония *изсякнет любы многих* (Мф. 24, 12) и умножится число погибающих в сетях диавольских. Господь сказал, что смиренномудрие минует эти сети.

18. Смирим свой разум в разум церковный, в разум Христов.

19. Грехолюбивое сердце приучим к смирению евангельскому, будем принуждать его насильно к принятию воли Евангелия.

20. Сатана в человеке проявляется чувственно, когда существом своим вселится в тело и мучит душу и тело, и нравственно, когда исполняет волю диавола.

21. В Иуду *вниде сатана* (Ин. 13, 27), то есть овладел его разумом и волею, соединился с ним в духе. В этом положении все неверующие.

22. Князь тьмы приставляет к человеку одного из лукавых духов, который всюду следует за человеком, замечает все его злые дела, поощряет и влечет ко злу и, посещая мытарства, записывает там все грехи человека, внося каждый грех в принадлежащее мытарство. Вот почему известны воздушным властям грехи всех человеков во всем мире.

23. Духовного видения духов достигают одни истинные христиане, а к чувственному наиболее способны люди самой порочной жизни.

24. Общее правило для всех человеков состоит в том, чтобы никак не вверяться духам; когда они явятся чувственным образом, не входить в беседу с ними, не обращать на них никакого внимания, признавать явление их величайшим и опаснейшим искушением.

25. Смущение, недоумение суть верные признаки помыслов, ощущений и явлений бесовских.

26. Мечтание бесовское действует на душу очень вредно, возбуждая в ней особенное сочувствие греху. От прикосновений бесовских возбуждаются плотские страсти и порождаются болезни, на которые не действуют обычные человеческие врачевания.

27. *Не веруй, уже осужден есть* (Ин. 3, 18). Не верует и тот, кто отвергает Бога, и тот, кто проводит греховную жизнь.

28. Земная жизнь – не собственно жизнь, но преддверие к вечности, есть непрестанная борьба между жизнью и смертью.

29. Человек разъединением с волей Божией отогнал от себя Духа Святого, и теперь в человеке мысль и дух борются между собою, выходят из повиновения уму, восстают против него. Сам ум в непрестанном недоумении, в омрачении, закрывающем ему Бога и путь к Богу.

30. С помыслами не надо вступать в беседу и прения, а устремляться к молитве.

31. Со слезами и плачем надо умолять Бога о помиловании.

32. Наше естество в состоянии падения, и плотские вожделения ему свойственны и не могут не возникать из него. Итак, не должно удивляться и приходить в недоумение при появлении помыслов, мечтаний, ощущений вожделения.

33. Брань, воздвигаемую плотью, упраздняет молитва с плачем.

34. Великое оружие против помыслов – чистая жизнь и вера в Бога.

35. Насильственная борьба против порочных навыков вменяется Богом человеку в мученичество, и одержавший в этой борьбе победу венчается венцом исповедников или подвижащихся ради закона Христова.

36. Многаядение соделывает тело дебелим, ожесточает сердце, потемняет ум множеством испарений и газов, восходящих из желудка в мозг, и в молитве тогда – сонливость, лень, мечтания.

37. Любящие вино никогда не сподобятся духовных дарований.

38. Когда подействует в нас греховное пожелание, надо отказать ему. В другой раз оно подействует слабее и, наконец, совсем утихнет.

39. Беги картежной игры, винопития, дерзости в словах и движениях рук, тела, обжорства, сребролюбия, роскоши, изнеженности, рассеянности.

40. «Убейся злых навыков, – сказал преподобный Исаак Сирин, – более, нежели бесов».

41. Фарисеи осуждали Господа как имеющего беса, как злодея и разбойника. Им нужен был Мессия, похожий на Александра Македонского или Наполеона, с громкой славой завоевателя, с трофеями. Фарисеи утверждали, что Спаситель опасен для общества, народности и осудили Праведника.

42. Душа фарисея лицемерна, сребролюбива, гроб зловония. Дела, слова, вся жизнь фарисея – ложь непрестанная.

43. *Внемлите же, – завещает Господь, – от лживых пророк, иже приходят к вам в одеждах овчих, внутрь же суть волцы хищницы. От плод их познаете их* (Мф. 7, 15—16).

44. Лживые пророки всегда коварны, и потому Господь заповедует по отношению к ним особенное внимание. Они познаются по плодам: по жительству своему, по делам. Не увлекись красноречием и сладкоречием лицемеров, их тихим гласом, как бы выражением кротости, смирения и любви; не увлекись той сладкой улыбкой, которая играет на их устах и лице, той приветливостью и услужливостью, которая светит из взоров; не обольстись той молвой, которую они искусно распускают о себе между людьми, теми одобрениями, похвалами, громкими именами, которыми величает их мир; всмотришь в плоды их.

45. Мнение смирения – ужаснейший вид гордости. С трудом изгоняется гордость, когда человек признает ее гордостью. Но как он изгонит ее, когда она кажется ему его смирением?

46. Ученик Христа призван Евангелием научиться кротости и смирению у Самого Господа.

47. Утаение своих добродетелей составляет одно из свойств смирения, поэтому смиреннословие и смиреннообразие (вызывание на исполнение низких дел) душевредно.

48. Вид смирения, приготавливающий к терпению скорбей, назван самоукорением (обвинением себя в греховности). При самоукорении христианин увидит всех человеков святыми и Ангелами, а себя – грешником из грешников, и погрузится в постоянное умиление. Через самоукорение благоразумный разбойник на кресте делается богословом, а ученые, священники, архиереи иудейские, фарисеи, почивающие на законе Божиим, стали богоубийцами. Должно быть постоянное обвинение и осуждение самого себя.

49. При скорбях полезно повторять слова Писания, но когда смирение действует прямо из сердца, без предварительной мысли смиренномудрия, то бывает несказанная радость, сладость и желание получить посрамление и заушение. Это святое смирение, соединенное с Божественной любовью, в мучениках не могло насытиться никакими казнями, и принимали они лютые казни, как дары, как прохладное питье, утоляющее в них жажду смирения.

50. Образ Троицы – Бога – человека – в нем три силы духа.

51. Ум наш – образ Отца; слово наше (произнесенная мысль) – образ Сына; дух – образ Святого Духа.

52. *Видевый Мене виде Отца, – возвестил Сын, – Аз во Отце, и Отец во Мне есть* (Ин. 14, 9-10).

53. Милосердный Господь украсил Свой образ и подобием Своим.

54. Образ – самое существо души; подобие – душевные свойства.

55. Умом называют самый источник, самое начало мыслей.

56. Ум без мыслей существовать не может, и мысль – без ума.

57. Существование ума есть непременно и существование мысли.

58. Ум наш родил и не перестает рождать мысли; мысль, родившись, не перестает снова рождаться и вместе с тем пребывает рожденной, сокровенной в уме.

59. Ум человеческий, невидимый сам по себе, является в мысли (слове). Мысли наши и духовные ощущения проявляют существование ума, невидимого и непостижимого.

60. Ум наш имеет способность мышления и способность воображения. Иконы возбуждают благочестивые воспоминания и ощущения присутствия Божия, страха и чувства благоговения. Ум же должен быть безвидным, ибо воображение Господа и святых Его сообщает ему вещественность, приводит к ложному гордому мнению о себе, а душу – к самообольщению.

61. Ум, если не будет привязан к поучению, не может перестать от парения и скитания повсюду. Что приключается рыбе, вынутой из воды, то приключается и уму, исшедшему из памяти Божией и блуждающему в воспоминаниях мира.

62. Враг воюет против ума, ибо ум – вождь человека. Мысленный, умный подвиг непрестанной молитвы отгоняет помыслы и мечтания врага, а если нет тайного согласия на грех, то не может родиться ни слово, ни дело греховное.

63. В женском монастыре жила при игумении ее племянница. Она постилась, молилась. Вела себя скромно, ангелоподобно. Когда похоронили ее, то все думали, что она блаженствует в вечных обителях. В видении Господь открыл игумении, что ее племянница находится среди адского пламени. «Тебя ли вижу, за что же?» – воскликнула в ужасе она. «Горе мне, окаянной!» – простонала мучавшаяся. «Я сама стала виною вечной моей смерти... за то, что я в виду вашем казалась девственницей, непорочным Ангелом, а на самом деле была не то. Я не осквернила себя плотским грехом, но мои мысли, мои тайные желания и преступные мечты свели меня в геенну. При непорочности моего девического тела я не умела сохранить в непорочности мою душу, мои мысли и движения сердечные, и за это предана муке. Я питала в себе чувство сердечной привязанности к одному юноше, услаждалась в моих мыслях и мечтах представлением прекрасного вида и соединением с ним и, понимая, что это грех, совестилась открыться в нем духовнику при исповеди. Следствием порочного услаждения нечистыми

мыслями и мечтаниями было то, что по кончине моей святые Ангелы возгнушались мною и оставили меня в руках демонов. И вот, теперь я горю в геенском пламени, вечно буду гореть и никогда не сгорю, нет конца мучению для отверженных небом!» Сказав это, несчастная застонала, заскрежетала зубами и, подхваченная пылающей лавой, скрылась со всем видением от взоров игумении («Письма Святогорца»).

64. Мы должны в противность воле всего естества действием слабой воли одного ума, руководимого словом Божиим, вырваться из плена, из нашей ветхости, из нашего падшего естества, из наслаждений скотоподобных, и благодатью Духа наше тело приобретает способность уже духовного наслаждения, изменяется чувство сердца.

65. Что дух человека? – Совокупность сердечных чувств, принадлежащих душе словесной и бессмертной, чуждых душам скотов и зверей.

66. Дух называют сердцем, как ум – головой.

67. Сердце человека отличается от сердца животных духом своим. Сердца животных имеют ощущения, зависящие от крови и нервов, не имеют ощущения духовного – этой черты Божественного образа; нравственная сила человека – дух его.

68. Если ум присутствует в головном мозге, то дух, или словесная сила, – в верхней части сердца, против левого сосца.

69. Дух наш исходит от ума, усвоившего мысли, мнения, воззрения.

70. Поэтому всякая мысль имеет свой дух, всякий образ мыслей имеет свой отдельный дух, всякая книга имеет свой собственный дух. Не может мысль быть без духа, в коем пребывает ум.

71. Наша мысль, чтобы сообщить с человеком, облекается в звуки: невещественная мысль сопрягается с веществом; через посредство ее выявляется дух, видится ум.

72. Дух человеческий есть и дух мыслей человеческих. Он проявляется и в тайных движениях сердца, и в образе мыслей, и во всех действиях человека. Духом человеческим обнаруживается и ум его, и образ мыслей; дух каждого поступка обнаруживает мысль, руководившую человеком при поступке.

73. Дух человеческий благодатью Духа переводится из ощущений плотских и душевных в ощущения духовные.

74. В Писаниях душа иногда называется духом, который является отдельной силой души.

75. Отцы называют эту силу души словесностью, или силою словесности, и разделяют: 1) ум; 2) мысль и слово; 3) дух.

76. Злоба есть болезнь души, прелесть – утрата истины, а желание любить Бога есть не только у христиан, но и у неправых поклоняющихся Богу, но прежде нужно уврачевание души от злобы и здравие ее. Деяние при этом кресте сугубо: 1) деяние в терпении скорбей телом силой ревности; 2) деяние ума – очищение мысленной части души силой, вождением, душевной любовью.

77. Как дитя веселится, видя фокусника, так и душа, простая и добрая, увлекается мечтательными прилогами диавола.

78. Умное делание есть высшее училище богословия.

79. Поучение, или память Божия, – краткая молитва или духовная мысль, усваиваемые умом и памятью вместо всякой мысли.

80. Да будет главным твоим делом молитва и чтение святых книг, все другое – второстепенное, а к делам земным будь хладен.

81. Всем христианам должно заниматься молитвой Иисусовой с целью покаяния и призывания Господа на помощь, заниматься со страхом Божиим и верою, с величайшим вниманием к мысли и словам молитвы, с сокрушением духа.

82. Упражнение в непрестанной молитве – обязанность каждого.

83. И за трапезой, и за всяким занятием не оставляй умственного подвига.

84. Приучайся молиться и во время сна.

85. Нищему свойственно просить, а обнищавшему грехопадением человеку – молиться.

86. Проси у Бога дар зрения своих грехов, своего падения.

87. Прощай обиды всем, помня, что молитвы памятозлобного – посевы на камне.

88. По определению святых отцов, нечувствие есть умерщвление духовных ощущений, есть невидимая смерть духа человеческого по отношению к духовным предметам при полном развитии жизни по отношению к предметам вещественным.

89. Имей умиренную совесть.

90. Молящийся без внимания молится на воздух.

97. Желаящие научиться вниманию должны воспретить себе все пустые занятия.

92. Нужно собственное усилие ко вниманию. Бог, видя смирение и труд, подает благодатное внимание.

93. Слова внимательной молитвы глубоко проникают в душу и в сердце производят умирение.

94. При внимательной молитве в минуты умиления появляются помыслы смиренномудрия, преподающие ощущение смирения. При внимательной молитве проливаются слезы покаяния от сознания своей греховности.

95. Тщеславие разносит помыслы человека по вселенной, а смирение сосредотачивает их в душе, приводя к мысленному безмолвию.

96. Ум и сердце, не очищенные от страстей покаянием, не способны соделаться причастниками благодати, прежде плача и молитвы мытаря.

97. С молитвой должен соединиться плач, не имеющий плача обманут своей гордостью.

98. Произноси слова молитвы неспешно, не позволяй уму скитаться повсюду, но затворяй его в словах молитвы.

99. Преподобный Иоанн Лествичник советует заключать ум в слова молитвы, тогда и ум во внимании и сердце вступит в сочувствие уму умилением.

100. При молитве нужно, чтобы дух соединялся с умом и вместе с ним произносил молитву, причем ум действует словами, произносимыми одной мыслью или с участием голоса, а дух действует чувством умиления или плача.

101. Соединение даруется Божественной благодатью, а для новоначальных достаточно, если дух будет сочувствовать и содействовать уму. Внимание и умиление признаются даром Святого Духа. Только Дух может остановить волны ума, разбегающиеся повсюду.

102. При сохранении внимания умом дух непременно ощутит умиление.

103. Читай молитву неспешно, как бы по слогам, чтобы ум успевал вмещаться в слова, как бы в формы.

104. Хорошо также гласно читать и келейное правило, и Писания, и Отцов.

105. Слова молитвы произноси неспешно, даже протяжно.

106. Сначала ее читать надо гласно. Гласная же молитва сама собой переходит в умную.

107. Телесная молитва – совершаемая человеком при собственном усилии. Духовная – движимая благодатью и приходит с плачем невещественным.

108. При особенном действии рассеянности, печали, уныния, лености также очень полезно совершать молитву гласно; такая молитва противоборствует рассеянности и усиленному действию прочих страстей, когда от такого действия их возмутится тишина сердца, тогда и ум поколеблется во внимании от особенного нашествия многих помыслов и мечтаний.

109. При молитве уста должно иметь закрытыми, молитву вводи в сердце тихо, посредством ноздревых дыхания, тихо испускаемого.

110. Нечасто дышать полезно к собранию ума.

111. Пособия: 1) четки или лестовки; 2) земные и поясные поклоны в чувстве покаяния; 3) иметь глаза закрытыми; 4) держать левую руку над левым сосцом груди для ощущения силы

словесности в груди; 5) иметь темную келлию для сохранения ума от развлечения; 6) угашать теплоту плотскую, кровяную, жар – водой летней, ибо плотское вожделение от нечистой теплоты порождает нечистую страсть.

112. Полезно не спеша, с чувством покаяния произносить молитву Иисусову с земными и поясными поклонами.

113. В общежитии Александрийском, которое описывает преподобный Иоанн Лествичник, вся братия занималась умной молитвой.

114. Этот святой, равно как и Варсонофий Великий, заповедует боримому блудной страстью особенно усиленное моление именем Иисуса.

115. Иисусова молитва, вкоренившись, – оружие против греховных помыслов, против мечтательности, рассеянности.

116. Страшен бесам, любезен Богу и Ангелам Его тот, кто ночью и днем с горячей ревностью взыскует Бога в сердце своем и искореняет из него прозябающие прилоги врага. Именем Моим бесы ижденут (Мк. 16, 17) – молитва Иисусова изгоняет их и открывает присутствие их. Много нужно времени и подвига, чтобы был изгнан враг и вселился Христос, потому что пленившие нас и держащие в своей власти крепче нас.

117. В молитве Иисусовой господствует не подвиг тела, а подвиг духа. При молитве дышать надо тихо, чтобы удержать движение крови и содержать душу и тело в спокойном положении тишины, благоговения и страха Божия. Удерживание дыхания, то есть нечастое и негрубое производство дыхания, очень способствует к приведению себя в состояние тишины и к собранию ума от скитания.

118. Сосредоточить ум в сердце у Отцов называется художественным деланием молитвы.

119. Молитва Иисусова сначала действует на один ум, приводя его в состояние тишины и внимания, потом на сердце, являя чувства умиления и плача, потом на тело, вселяя бесстрастие.

120. Без непрестанной молитвы невозможно приблизиться к Богу. Краткую молитву должно иметь на всяком месте, во всякое время, при всяком занятии, даже при церковном богослужении, даже при отчетливом чтении. И на трапезе и за всяким занятием не оставляй умственного подвига.

121. Исаак Безмолвник непрестанно повторял 2-й стих 69-го псалма: *Боже, в помощь мою вонми, Господи, помози ми потщися.*

122. Преподобный Досифей повторял: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя» и «Сыне Божий, помоги мне».

123. Преподобный Иоанникий непрестанно повторял: «Упование мое Отец, прибежище мое Сын, покров мой Дух Святой: Троице Святая, слава Тебе».

124. Преподобный Евстафий непрестанно повторял: «Господи, помилуй».

125. Один отец 40 лет непрестанно молился: «Я, как человек, согрешил, Ты, как Бог, прости меня».

126. Общеупотребительная молитва: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного».

127. Хорошо приучаться к молитве Иисусовой на церковных службах. Присутствуя на них, к чему бесплодно и душевредно скитаться мыслями повсюду? А этого невозможно избежать, если ум не будет привязан к чему-либо. Займись молитвой Иисусовой, она удержит ум от скитания, ты сделаешься гораздо сосредоточеннее, глубже, гораздо лучше будешь внимать чтению и песнопениям церковным и неприметным образом, постепенно обучишься умной молитве.

128. Первоначальные плоды молитвы заключаются во внимании и умилении, или в плаче. Далее плодом молитвы бывает расширяющееся зрение своих согрешений и своей греховности, от чего усиливается плач. Потом является ощущение присутствия Божия, живое воспоминание

смерти, страха суда и осуждения – все эти плоды молитвы сопровождаются плачем. Потом приходит ощущение тишины, смирения, любви к Богу и к ближним, ко всем без различия добрых и злых, терпения скорбей.

129. Кто, не знающий молитвенного плача и тех таинств, которые не открывают, поймет слова, исшедшие из глубины плача, слово крестное и самоотвержение?

130. Непрестанное памятование Бога – наука из наук – было делом святых отцов. Не только все дела и слова, все помышления их были посвящены Богу. Вот причина обилия в них дарований Духа.

131. Непрестанная молитва, память о Боге – многоплоднейшее дело, драгоценнейшее церковное предание, установление Божие, сокровище духовное, достояние апостолов и святых отцов, призвавших и преподавших его нам по велению Святого Духа.

132. Благодатные дарования имеют только те, которые имеют внутреннее дело и бдят о душах своих.

133. Когда коснется благодать, тогда и ум молится, и душа, оставляя порочные пожелания, устремляется с умом на молитву, и тело, оставляя вожеления скотоподобные, приходит в состояние, что чувства телесные остаются в бездействии: глаза смотрят и не видят, уши слышат и вместе не слышат, и весь человек тогда молится Богу. Мир несказанный чувствует душа.

134. Священный огонь молитвы – святая любовь.

135. Прелесть – утрата истины. Рассеянность приводит к холодности, мечтательность – к прелести.

136. Прелесть бывает в области ума, когда молящийся воображает телесные образы сердца, и в области сердца, когда ждет вкушать Божественную сладость и другие Божественные ощущения и не находит их в себе, сочиняет их из себя, ими льстит себе, обманывает и губит себя, входя в общение с бесами, порабощаясь их влиянию и власти.

137. Преподобный Григорий Синаит, Симеон Новый Богослов говорят, что обманутые духом мнения видят в себе обильное духовное преуспеяние, презирают и осуждают других, признают себя достойными пасти овец Христовых и руководствовать ближних. Они любят поучать на словах и письменно. Всякий, не имеющий сокрушенного духа, признающий за собою какие бы то ни было достоинства и заслуги; всякий, не держащийся неуклонно учения Православной Церкви, но о каком-либо предании размышляющий произвольно по своему усмотрению или учению инославному, – находится в этой прелести.

138. Мнение ведет прямо к общению с Богом без предпочтения покаянием порабощенных чувственности. Этот род прелести называется мнением. И одержимый этой прельстью мнит о себе, что он имеет многие добродетели и обилует дарами Духа. Прельщенные желают наслаждаться добродетелями, не отказываясь от наслаждений чувственности.

139. В самообольщении и прелести мнения находятся и те, которые отвергают упражнение Иисусовой молитвой и вообще умное дело и удовлетворяются только церковными службами и келейным правилом.

140. *Не можем воспеть песнь Господню на земли чуждей* (Пс. 136, 4) – в сердце, обладаемом страстями.

141. «Подражание» Фомы Кемпийского с предисловием графа Сперанского проникнуто духом самообольщения и бесовской прелести. Ярko выступают здесь разгорячение, самомнение и самообольщение. Это бедственное состояние на Западе развилось от того, что нет воспитания духовным подвигом по преданию Православной Церкви, свободно изыскают Священное Писание, отвергая святоотеческое предание. В сочинении «О подражании Христу» (в четырех книгах с избранными местами) говорит сладострастный и надменный мечтатель, упоенный тщеславием, мнением сочиняющий в себе гласы утешения, или льстящий надменному своему сердцу, или обманывающий себя и легковверных своих последователей.

142. Все святые признавали себя недостойными Бога, и от этого они украшались смирением.

143. Все самообольщенные считали себя равными Богу («Подражание» Фомы Кемпийского). Этим явили объявшаю их души гордость и бесовскую прелесть. Иные из них приняли бесов, представших им в виде Ангелов, и последовали им; другим явились бесы в своем собственном виде и представлялись побежденными их молитвой, чем вводили их в высокоумие; иные возбуждали свое воображение, разгорячали кровь, производили в себе движения нервные, принимали это за благодатное наслаждение и впадали в самообольщение, в совершенное омрачение, причислились по духу своему к духам отверженным.

144. Иудейские книжники и фарисеи по их душевному состоянию сделали не только чуждыми Богу, но врагами Его, богоубийцами. Подобному бедствию подвергаются и подвижники молитвы, извергшие из своего подвига покаяние, усиливающееся возбуждать в сердце любовь к Богу, наслаждение и восторг; они соделывают себя чуждыми Бога, вступают в общение с сатаной и заражаются ненавистью к Святому Духу.

145. *Никтоже вас да прельщает ему смиренномудрием... яже не уведо уча, без ума от ума плоти своя* (Кол. 2, 18).

146. Сущность покаяния заключается в смирении и сокрушении духа нашего, то есть когда дух восплачет по причине смирения.

147. Смирение есть свойство Христово есть мир Божий. Желаящий приобрести смирение должен изучить Евангелие и жить по заповедям Христовым.

148. Во смирении «велико увидеть себя ниже всякой твари», – поучал преподобный Сисой Великий. А авва Дорофей говорил, что «путь смирения – телесные труды в разуме».

149. Будь готов против каждого слова сказать: «Прости!»

150. Желаящий избавиться от грехов плачем избавляется от них, и желаящий сохраниться от грехов плачем сохраняется от них. Это путь покаяния.

151. Пимен Великий сознавал себя подобным человеку, погрязшему в болоте по шею с бременем на шее и вопиющему оттого к Богу: «Помилуй мя». Плача, в смиренномудрии он взывал: «Куда ввергнут диавола, туда ввергнут и меня».

152. Дело покаяния слагается из: 1) очищения помыслов; 2) непрестанной молитвы; 3) терпения встречающихся скорбей.

153. Лядвия – шествие по земному пути.

154. «Наши подвиги неистинны и бесплодны, если при них не имеем болезненного чувства покаяния», – говорил преподобный Иоанн Лествичник.

155. Имей глаза на устах или закрытыми при молитве.

156. Ум, заключаясь в слова молитвы, привлекает сердце в сочувствие себе. Это сочувствие сердца уму выражается умилением, которое есть благочестивое чувство, соединенное с печалью и с тихим, кротким утешением.

157. При появлении суетных помыслов, мечтаний надо отвергать грех при самом появлении его, убивать вавилонян, доколе они младенцы, прибегать к покаянию.

158. Блудному помыслу содействует наше падшее естество, поэтому его надо немедленно исповедовать старцу. Этим разрывается дружба с грехом.

159. Важна частая исповедь, даже помыслов и ощущений.

160. Истинное покаяние в новоначальных есть познание падения и своей греховности; в средних – отделяет истинное добро от естественного и от зла, как открытого, так и прикрытого личиною добра; в совершенных есть духовный разум, воссиявающий от Святого Духа и видящий образ действия зла в других человеках.

161. Меня устрашают три времени: время исшествия души из тела, время суда Божия, время изречения, какое последует о мне от Бога.

162. Мы нуждаемся в смиренномудрии, страхе Божиим столько же, сколько в дыхании.

163. Страх Божий – порождение веры – и посеваётся в сердце, когда ум устранился от попечений мира сего, и тогда познаются три главные делания: бояться Бога, молиться Богу и делать добро ближнему.

164. Если ум, не умертвив прежде уды свои, яже на земле (помыслы), захочет взойти на крест, не исцелив чувства свои, то постигнет его гнев Божий.

165. По мере очищения покаянием, от ощущения присутствия Божия, является святое ощущение страха Божия.

166. Разум и воля падшего естества повреждены грехом.

167. Я – пришлец на земле; взошел рождением, выйду смертью.

168. Мы страшимся смерти, плачем об умерших, а проводим жизнь так, как бы смерти вовсе не было, как бы мы были вечны на земле.

169. Плоти своей можно доверить только тогда, когда она уляжется в гроб.

170. Гроб ждет меня, но я забываю его, потому что грех помрачил мой разум.

171. Только очищенный ум хранит смертную память.

172. Если со святыми будешь жить единством мыслей, единством чувствований, единством цели, то вступишь в общение с ними, и они примут тебя, как своего друга, при исходе твоём.

173. Святые Отцы раскрывают по внушению Святого Духа Евангелие.

174. Не читай душевредных книг, но только написанные святыми отцами Вселенской Церкви. Не читай еретиков и богохульников, ибо они великолепными наименованиями святости, благочестия, счастья и пр. влагают в душу яд и *от истины отвратят слух и к басням уклонятся* (2 Тим. 4, 4).

175. Писания Отцов можно уподобить аптеке. Больной, без разбора употребляя лекарства, может и повредить себе.

176. Адам до падения не ведал слез.

177. Плакать надо или здесь произвольно, или там произвольно, в муках.

175. Слезы есть естественные – по природе. Есть греховные слезы, их проливают находящиеся в самообольщении и прелести из тщеславия, лицемерия, притворства, человекоугодия и злобы.

179. Если при появлении естественных и греховных слез человек изменит побуждение слез, приводя себе на память свои согрешения, смерть свою, суд Божий, то, плача уже по этим причинам, он приобретает богоугодный плач.

180. Но слезы страха Божия и покаяния – дар Божий.

181. Стараться нужно о стяжании плача в духе, тогда изливаются тихие слезы.

182. При понуждении нашего падшего естества необходимо произносить плачевные слова молитвы несколько вслух, плачевным голосом в уединении.

183. Сначала слезы, проливаемые о грехах, бывают горьки при болезни и томлении духа. Затем со слезами соединяется утешение со спокойствием и ощущение кротости и смирения. Слезы сначала бывают скудны и приходят редко и болезненно. Потом становятся чаще и обильнее.

184. Когда же дар слезный усилится в нас Божией милостью, тогда укрощается внутренняя борьба, утихают помыслы, начинает действовать обильно умная молитва, или молитва духа. Тогда слезы претворяются из горьких в сладостные. Тогда начинает действовать духовное утешение, которому нет ничего подобного между радостями земными и которое известно только упражняющимся в молитвенном плаче и имеющим дар слез.

185. Чтобы восплакать плачем по Богу, должно удалиться от мира и человеков, умереть для мира и человеков, по сердцу и уму сделаться иноком.

156. Все иноки, очистившиеся от грехов, очистились плачем, и все, достигшие христианского совершенства, достигли его плачем.

157. Отцы повелевают пребывать в том делании, в котором приходят слезы, потому что слезы – это плод.

155. Одно только ощущение из всех ощущений сердца в его состоянии падения может быть употреблено в невидимом богослужении: печаль о грехах, о греховности, о падении, о гибели своей, называемая плачем, покаянием, сокрушением духа, как и сказано: *Жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19).

159. Надо плачем отвратить вечный плач: подвигом, страданием, потом, насилием над собою подчинить ум Христу, испорченное сердце – учению Христову, бренное тело – святыне.

190. Желаящий достигнуть чистой молитвы в безмолвии должен шествовать во многом трепете и плаче, всегда плакать о своих грехах, печалась и боясь, чтобы ему не отпасть от Бога, не подвергнуться отлучению в этом или будущем веке.

191. Дьявол, когда увидит кого живущего плачевно, не пребывает там, боясь смирения, доставляемого плачем.

192. Первая заповедь нам: покаяние.

193. *Не приидох призвати праведники* (фарисеев, книжников, слепотствующих, обольщенных), *но грешники на покаяние* (Мк. 2, 17).

194. Плач и покаяние – вот истинное делание до конца подвига истинного христианина.

195. В чем наша гибель, и где наше спасение? Гибель наша совершилась через уничтожение общения нашего с Богом и через вступление в общение с падшими и отверженными духами. Спасение наше заключается в расторжении общения с сатаной и в восстановлении общения с Богом.

196. Спасение падшему человеку даровано Богом туне, но предоставлено на произвол принять или отвергнуть это спасение. Благочестивый подвиг есть не что иное, как деятельное принятие спасения, как явление нашего произволения.

197. Нужно удаление от причин греха: празднословия, тщеславия, многого сна, украшения себя, пресыщения.

198. Будем упражняться в молитве Иисусовой и возненавидим лукавые помыслы.

199. Истинный раб Божий хранится не только от греховных дел и слов, хранится от самых помыслов и ощущений греховных.

200. Навыки и привычки имеют силу природы, поэтому приложи труд с юности приобрести добрый нрав.

201. И слепому, и прокаженному, и поврежденному рассудком, и грудному младенцу, и уголовному преступнику, и язычнику окажи почтение как образу Божию. В христианине окажи почтение Христу.

202. Множество философских систем противоречат одна другой и этим уличают человеческое любомудрие, неимение положительного знания истины. В философии дан произвол мечтательности, вымысел, бреду, лжи, и поэтому мудрование плотское как исчадие падения человеческого страшится учения Истины как смертоносного приговора для себя.

203. Христос – Божия Премудрость, и эта Премудрость читается в отцах – согласие чудное у всех Отцов.

204. Грех действует через телесное чувство и воображение.

205. Будем хранить телесные чувства наши, не впуская через них грех в клеть душевную. Обуздаем любопытное око и любопытное ухо, язык наш, смирим тело воздержанием, бдением, трудами, памятью смерти, внимательной непрестанной молитвой, дабы благодатью Божией стать храмом Святого Духа.

206. Отвергни с полным самоотвержением свою гордость, свое «я».

207. С самоотвержением сопряжено смирение как добродетель по преимуществу духа.

208. Из сердечного настроения истекают смирение и молитва.

209. В Валаамском монастыре в среду и пятницу пища полагалась без рыбы и без масла. Трапеза – обед и ужин.

210. Молчание – великое благо.

211. В море (мире) – волны (помыслы бесовские), а волнения – мятеж страстей.

212. Отвергни всякую беседу с помыслами и всякое мечтание.

213. Не переносить бесчестия есть дело неверия. Иисус сделался человеком и перенес бесчестие. Неужели ты больше Иисуса?

214. Во всем и над всем Промысл Божий.

215. Если никакое искушение не может коснуться человека без воли Божией, то жалобы, ропот, огорчение, оправдание себя, обвинение ближних и обстоятельств суть движения души против воли Божией.

216. Мытарства за грехи:

1) мытарство словом: празднословие, сквернословие, насмешки, кощунство, песни, хохо-
т. *Всяко слово праздное, еже аще рекут человецы, воздадут о нем слово в день судный* (Мф. 12, 36);

2) мытарство лжи: призывание имени Божия всуе, неисполнение обетов, утаение грехов;

3) мытарство клеветы: осуждение, уничтожение, ругательства, насмешки;

4) мытарство чревоугодия: объедение, пьянство, вкушение пищи без молитвы, нарушение постов, рано– и тайноядение, пресыщение, пирование. *Горе насыщенный ныне: яко взал-
чете* (Лк. 6, 25), и только *милостыня от смерти избавляет* (Тов. 12, 9);

5) мытарство лености, на котором сочтены все дни и часы, проведенные в лености, в нерадении о службах, унынии, оставлении церковных и домашних молитв, тунеядстве, судятся снедающие чужие труды и нехотящие трудиться;

6) мытарство воровства, на котором рассматривают всякого рода похищения и воровства – явные и тайные, грубые и благовидные;

7) мытарство сребролюбия и скупости;

8) мытарство лживы, где обвиняются ростовщики, лихоимцы и присвоители чужого;

9) мытарство неправды, где уличаются несправедливые судии, оправдывающие виновных и осуждающие невинных, ложные весы и меры;

10) мытарство зависти;

11) мытарство гордости, где надменные духи истязывают гордость, тщеславие, самомне-
ние, презорство, величание, непочитание родителей, духовенства;

12) мытарство гнева и ярости;

13) мытарство памятозлобия;

14) мытарство убийства;

15) мытарство волхования, где истязуются чародейства, обаяние, составление отрав, наговоры, призывание бесов;

16) мытарство блуда, где истязуется мечтание помысла, соизволение на грех, услаждение грехом, сладострастные воззрения, скверные осязания и прикосновения;

17) прелюбодейное мытарство – истязуются блудные грехи лиц, живущих в супружестве, несохранение супружеской верности и брачного ложа неоскверненным, похищения и насилия, падения посвященных Богу;

18) мытарство содомское – истязуются противоестественные грехи и кровосмешения;

19) мытарство ересей – истязуются грехи против единого истинного исповедания веры;

20) мытарство немилосердия. Если кто совершил многие подвиги, посты, бдения, коленопреклонения, молитвословия, если кто соблюдал чистоту девства неоскверненного и изнурил воздержанием тело, но был немилосерд и затворял сердце свое для ближних, тот с этого мытарства низвергается долу и затворяется в адской бездне навеки.

217. Путем воздушных мытарств проходят только просвещенные крещением. Не проходят идолослужители, магометане и все чуждые. Они, живя в теле, – мертвецы и душою погребены во ад. Когда они умирают, тотчас, без всякого испытания демоны берут их как часть, себе принадлежащую, и низводят в геенскую пропасть.

218. Симеон Дивногорец прочитывал в ночь всю Псалтирь.

219. Чтением Отцы называют чтение Священного Писания и писаний святых отцов, а молитвой они называют по преимуществу молитву Иисусову, также краткие молитвы.

220. Псалмопение у отцов – протяжное чтение псалмов и молитв со вниманием и без рассеянности.

221. Пост и бдение – наперсники целомудрия.

222. Чистота – средство богозрения.

223. *Могий вместити* (сохранить себя от блуда, замужества, брани плоти), *да вместит* (Мф. 19, 12), прося у Бога добрым жительство, собственными подвигами, молитвами как знаками собственного произволения, тогда Дух Божий прикасается духу человеческому и (тот – Ред.) утрачивает сочувствие к предметам плотского вожделения. Тогда благодатью Божией *прилепляйся же Господеву, един дух есть с Господом* (1 Кор. 6, 17).

224. Смирение есть сердечное чувство, а смиренномудрие – образ мыслей по Евангелию, от Христа Бога. Истинное смиренномудрие – характер евангельский, нрав евангельский, образ мыслей евангельский.

225. По мере упражнения в смиренномудрии душа приобретает смирение, потому что состояние сердца всегда зависит от мыслей, усвоившихся уму.

226. Господь сказал, что смиренномудрие минует диавольские сети.

227. Смиренномудрый молится только словами: «Господи, по воле Твоей да будет со мною».

225. Неоправдывающий себя живет смиренномудрием, а оправдывающий – высокоумрием.

229. Не выказывай себя праведнее других – этим братии уязвишь и в себе произведешь высокоумрие.

230. Из чувства благоговения и покорности воле Божией составляется терпение.

231. Смирение возводит на крест, открывает тайну и любовь креста своего, которое есть святое терпение.

232. Всякому деланию должно предшествовать рассуждение, чтобы избежать зла безвременности и неумеренности.

233. Истинного рассуждения достигнем не иначе, как посредством истинного смирения, состоящего в том, чтобы мы открывали отцам не только то, что делаем, но и то, что помышляем, чтобы мы ни в чем не верили своему помыслу, но во всем следовали словам старца и признавали добром то, что он одобрит. Это делание не только удерживает инока в истинном рассуждении и на правом пути, но и предохраняет его от всех страстей диавольских.

234. Умолим Бога, чтобы Он даровал нам чистоту и смиренномудрие, плодом которых бывает духовное рассуждение, с верностью отличающее добро от зла.

235. Бог ждет от человека любви истинной, духовной, святой, а не мечтательной, плотской, оскверненной гордостью и сладострастием. Наша естественная любовь находится в греховном повреждении, и соединиться с Богом этой любовью мы не можем.

236. Нужен страх Божий.

237. Некоторые, прочитав, что любовь есть высшая добродетель, что она – Бог, начинают развивать в сердце своем чувство любви, им растворять молитвы свои, богомыслие, все действия свои.

235. Когда Надав и Авиуд, два сына Ааронова, взяв кадиланицы, вложили фимиам и с чужим огнем, неосвященным, не хранившимся в скинии свидения, предстали Господу, то Бог

попалил их, и они умерли. Чуждый огонь в кадилнице жреца изображает любовь падшего естества. Священный же огонь – образ благодатной любви.

239. Хочешь научиться любви Божией? – Удаляйся от всякого дела, слова, помышления, ощущения, воспрещенных Евангелием.

240. Заповедь о любви – новая, а сердце наше – ветхое.

241. Условие пребывания в любви Божией и в соединении с Богом заключается в соблюдении евангельских заповедей. Нарушением расторгается условие, нарушитель извергается из объятий любви и от лица Божия во тьму кромешную, в область страстей и бесов.

242. Ум, сердце и тело должны прийти в повиновение Христову закону.

243. Брань заповедана, победа обетована Господом, ибо *Царствие Небесное нудится, и нуждницы* (борющиеся с падшим естеством) *восхищают е* (Мф. 11, 12).

244. От страха рождается любовь, любовью же искореняется страх из души, и пребывает в душе одна любовь.

245. Начало смирения – нищета духа; середина – мир Христов; конец – любовь Христова.

246. Свойственно любящему с точностью исполнять волю Любимого.

247. Душа, любящая Господа, постоянно помнит о Любимом. Она хранит эту любовь в сердце, уме и на устах.

248. *Царие земстии* – христиане, получившие совершенство – *и вси людие* – все христиане, *князи* – значительно преуспевшие – *и вси судии земстии* – различающие добро от зла, но еще не стяжавшие власти над собой, *юноши* – деятельно преспевающие – *и девы* – беспристрастное сердце, *старцы* – достигнувшие совершенства в благочестивой жизни с юношами (Пс. 148, 11—12).

249. «Словооправдание не принадлежит к жительству христианскому», – сказал преподобный Исаак Сирин.

250. *Море великое и пространное* – мир сей, *тамо гади, ихже несть числа, животная малая с великими, рыбы морския, преходящая стези морския* – люди всех возрастов, времен, народностей, званий, служащие греху, *тамо корабли преплавают* – Святая Церковь, христиане, *змий сей* – падший ангел, *егоже создал еси ругатися ему* (Пс. 8, 9; 103, 25—26).

251. Церковные молитвословия содержат в себе пространное христианское догматическое и нравственное богословие.

252. Великое бедствие – уклониться от учения Церкви, от учения Святого Духа каким-либо умствованием.

253. Монашествующие первых веков были руководимы боговдохновенными отцами, а ныне монашествующие должны более руководствоваться Священным Писанием и писанием отеческим.

254. Предание указывает, что евангелист Марк, епископ Александрийский, учредил монашество.

255. Когда прекратился мученический подвиг и начали принимать веру христианскую не по особенному призванию, не с решимостью на величайшие бедствия и смерть, но с сохранением полуязыческой жизни, стали христиане вдаваться в попечения, роскошь, плотское наслаждение, увлечения. И монахи стали переселяться из городов в места отдаленные.

256. Монахи удалялись от молвы, славы, торжищ, судов.

257. Вера без дела мертва.

258. Важно изучать Писание и святых отцов.

259. Вера принимает и непостижимое для разума, и противоречащее разуму.

260. Свет, пришедший в мир (Ин. 12, 46), предстоял иудеям, облеченный плотию, нам предстоит Он, облеченный в Евангелие.

261. Вера – дверь к Богу.

262. Отвержение догматов веры – неверие, ересь и есть богохульство.

263. Мученичество – плод истинного богопознания.

264. Отчаяние – от неверия и самости.

265. Ветхий Завет воспрещал грубые последствия, нам же запрещается сердечное действие страстей.

266. *Иже хочет*, – сказал Господь, – *по Мне ити, да отвержется себе и возьмет крест свой, и по Мне грядет* (Мк. 8, 34), то есть вначале отречение от мира, греха, страстей, а потом последование Христу в смирении, терпении, любви, сыноположении.

267. Ежедневное исповедание – древнейшее монашеское предание и делание.

265. От Христа – от Истины – мир и тишина, и тогда посекается глава змия – начало его помысла или мечтания, тогда змий не найдет в твоём сердце норы и не поселится, и не произведет опустошения.

269. Зрение греха своего и рождаемое им покаяние суть делания, не имеющие окончания на земле. Зрением греха возбуждается покаяние, покаянием доставляется очищение, постепенно очищаемое око ума начинает усматривать такие недостатки и повреждения во всем существе человеческом, которых око прежде в омрачении своем совсем не примечало.

270. Мы должны быть всегда готовы с радостью и веселием умереть за Христа.

271. Слава Тебе, Господи! Ты и Бог, и Человек, и человеку, любящему Тебя, даруешь бессмертие и сообщаешь Божество.

272. Слава Тебе, Иисусе Сладчайший! Ты соделал Отца Твоего и нашим Отцом!

Поучения святителя Игнатия

Читая в отцах о сердечном месте, которое обретает ум молитвою, надо понимать словесную силу сердца, помещенную Творцом в верхней части сердца, силу, которой сердце человеческое отличается от сердца скотов, имеющих силу воли, или желания, и силу ревности, или ярости, наравне с человеками. Сила словесства выражается в совести или в сознании нашего духа, истины, святости, добра, в страхе Божиим, в духовной любви к Богу и ближнему, в ощущении покаяния, смирения, кротости, в сокрушении духа или глубокой печали о грехах и в других духовных ощущениях, чуждых животным.

Сила словесства, или дух человека, имеет местом пребывания своего верхнюю часть сердца, находящуюся под левым сосцом груди, около сосца и несколько выше его.

Соединение ума с сердцем есть соединение духовных помыслов ума с духовными ощущениями сердца. Так как человек пал, так как его помыслы и ощущения изменились из духовных в плотские и душевные, то надо при посредстве евангельских заповедей возвести ум и дух к помышлениям и ощущениям духовным. Когда ум и дух исцелится, тогда они и соединятся о Господе. Образуется в свое время в отделе сердца, где помещается сила словесства, или дух, чудный, нерукотворенный, духовный храм Божий, Святая святых; туда нисходит ум, хиротонисанный Святым Духом во священника и архиерея для поклонения Богу Духом и истиною. Тогда познает христианин блаженным опытом сказанное в Священном Писании: *вы бо есте церкви Бога жива, якоже рече Бог: яко вселюся в них, и похожду, и буду им Бог, и тиши будут Мне людие* (2 Кор. 6, 16).

Ниже силы словесства, в середине сердца, помещается сила ревности; ниже ее, в нижней части сердца, помещается сила желания, или воли. В животных эти две силы действуют очень грубо, как несколько не связанные словесностью; в людях они действуют сообразно тому, насколько и каким образом развит дух их. Но действовать правильно и быть в полном подчинении духа, или силы словесства, они могут только в истинном христианине, низложившем не только явно-греховные, но и все естественные помыслы и ощущения пред разумом Христовым – Евангелием.

Ум и сердце иначе не возмогут соединиться как при посредстве Духа и истины. Это значит: ум и сердце не возмогут соединиться, если не отвергнутся вполне падшего естества, если не предадут себя вполне руководству Евангелия, если за постоянное и усиленное последование евангельским заповедям не привлекут к себе благодати Всесвятого Духа, не исцелятся и не оживут от прикосновения ее, от осенения ею... При уклонении с духовного направления, доставляемого Евангелием, тщетны все пособия и механизмы: сердце и ум никогда не соединятся между собою. (*Еп. Игнатий Брянчанинов. Приношение современному монашеству. Т. 5. Издание третье, исправленное и пополненное. СПб., 1905. С. 115-117.*)

Апостол Павел и Антоний Великий говорят о составе человеке, что он есть дух, душа и тело. Животные имеют душу двухчастную – раздражительная и вожделевательная. Со смертью животного они погибают. У человека есть эти две части, но Бог дал дыхание Свое – дух. И дух человека составляет внутреннего духовного человека. В духе – разум, воля и чувства; и избирает духовный человек истину разумом, добро – волей и святость – чувствами; и это все духовно. А внешний плотский человек имеет чувства слуха, вкуса, обоняния, осязания, зрения, плотскую волю и плотское желание и др. Раздражение и пожелания внешнего человека ощущает духовный человек и руководит всем. Здесь тайна.

Должно и дыхание приудерживать тихо, и ум приводить к соединению с сердцем очень тихо; должно стараться, чтобы молитва действовала в самой вершине сердца, где пребывает

словесная сила, по учению отцов, и где, по этой причине, должно быть отправляемо богослужение...

Святые Отцы, научая сердечной молитве, не дали точного наставления, в которой части сердца она должна быть совершаема, – вероятно по той причине, что в те времена не встречалось нужды в этом наставлении. Святой Никифор говорит, как об известном предмете, что словесность находится в персях и что когда возбудится словесность к участию в молитве, то вслед за ней возбудится к такому участию и сердце...

В последующие времена неопределенное указание в писаниях на сердце послужило причиной важного недоумения и ошибочного упражнения молитвой в тех, которые, не имея наставника, не исследовав с должной тщательностью отеческих писаний, на основании наскоро схваченных чтением поверхностных понятий, решились заняться художественной сердечной молитвой, возложив все упование на вещественные пособия к ней. Определенное объяснение этого предмета сделалось, таким образом, необходимостью.

Сердце человеческое имеет вид продолговатого мешка, кверху расширяющегося, книзу суживающегося. Оно верхней оконечностью, находящейся против левого сосца груди, прикреплено, а нижняя его часть, нисходящая к оконечности ребер, свободна; когда она придет в колебание, это колебание называется биением сердца.

Многие, не имея никакого понятия о устройстве сердца, признают свое сердце там, где чувствуют биение его. Приступая самочинно к упражнению сердечной молитвой, они устремляют дыхание, вводя его в сердце, к этой части сердца, приводят ее в плотское разгорячение, причем, биение сердца очень усиливается, призывают к себе и навязывают себе неправильное состояние и прелесть. Схимонах Василий и старец Паисий Величковский повествуют, что из современников их многие повредились, злоупотребляя вещественным пособием. И впоследствии примеры расстройств от такого действия встречались нередко; встречаются они и поныне...

Схимонах Василий, ссылаясь на святого Феофилакта и других отцов, утверждает, что три силы души: словесная, сила ревности и сила желания – расположены так: в персях и в верхней части сердца присутствует словесная сила, или дух человека: в средней – сила ревности, в нижней – сила желания, или естественное вожделение. Старающийся привести в движение и разгорячить нижнюю часть сердца, приводит в движение силу вожделения, которая, по близости к ней половых частей и свойству своему, приводит в движение эти части. Невежественному употреблению вещественного пособия последует сильнейшее разжение плотского вожделения. Какое странное явление! По-видимому, подвижник занимается молитвой, а занятие порождает похотение, которое должно бы умерщвляться занятием...

Сердечная молитва происходит от соединения ума с духом, разъединенных падением, соединяемых благодатью искупления. В духе человеческом сосредоточены ощущения совести, смирения, кротости, любви к Богу и ближнему и других подобных свойств. Нужно, чтоб при молитве действие этих свойств соединялось с действием ума. На это должно быть обращено все внимание делателя молитвы. Соединение совершается перстом Божиим, единым могущим исцелить язву падения; делатель же молитвы доказывает искренность произволения своего получить исцеление постоянным пребыванием в молитве, заключением ума в слова молитвы, придерживая дыхание, деятельностью внешней и внутренней по заповедям Евангелия, содействующей дух способным к соединению с молящимся умом. При этом несколько способствует художественное направление ума к словесности и к верхней части сердца. Вообще излишнее напряжение при употреблении этого вещественного пособия, как возбуждающее вещественную теплоту, вредно; теплота плоти и крови не должна иметь места в молитве. (*Еп. Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты. Т. 2. Издание третье исправленное и пополненное. СПб. 1905. С. 296-299.*)

О прелести

Прелесть есть повреждение человеческого естества ложью. Прелесть есть состояние всех человеков без исключения, произведенное падением праотцев наших. Все мы – в прелести. Знание этого есть величайшее предохранение от прелести. Величайшая прелесть – признавать себя свободным от прелести. Все мы обмануты, все обольщены, все находимся в ложном состоянии, нуждаемся в освобождении истиной. Истина есть Господь наш Иисус Христос. Усвоимся этой Истине верой в Нее; возопием молитвой к этой Истине, и Она извлечет нас из пропасти самообольщения и обольщения демонами. Горестно состояние наше! Оно – темница, из которой мы молим извести нашу душу, исповедаться имени Господню. Оно – та мрачная земля, в которую низвергнута жизнь наша позавидовавшим нам и погнавшим нас врагом. Оно – плотское мудрование и лжеименный разум, которыми заражен весь мир, не признающий своей болезни, провозглашающий ее цветущим здравием. Оно – *плоть и кровь*, которые *Царствия Божия наследити не могут* (1 Кор. 15, 50). Оно – вечная смерть, врачуемая и уничтожаемая Господом Иисусом, Который есть воскресение и живот. Таково наше состояние. Зрение его – новый повод к плачу. «Господь наш Иисус Христос, – говорит преподобный Симеон Новый Богослов, – потому и сошел к нам, что восхотел изъять нас из плена и из злейшей прелести».

В средство для погубления человеческого рода употреблена была падшим ангелом ложь. По этой причине Господь назвал диавола ложью, отцом лжи и человекоубийцею *искони* (Ин. 8, 44). Понятия о лжи Господь тесно соединил с понятием о человекоубийстве, потому что последнее есть непременно последствие первой. Словом *искони* указывается на то, что ложь с самого начала послужила для диавола орудием к человекоубийству и постоянно служит ему орудием к человекоубийству, к погублению человеков. Начало зол – ложная мысль! Причина разнообразного вреда и гибели – ложная мысль! При посредстве лжи диавол поразил вечной смертью человечество в самом его корне, в праотцах. Наши праотцы прельстились, то есть признали истиной ложь, и, приняв ложь под личиной истины, повредили себе неисцельно смертоносным грехом, что засвидетельствовала и праматерь наша.

Прелесть есть усвоение человеком лжи, принятой им за истину. Прелесть действует первоначально на образ мыслей; будучи принята и извратив образ мыслей, она немедленно сообщается сердцу, извращает сердечные ощущения; овладев сущностью человека, она разливается на всю деятельность его, отравляет самое тело, как неразрывно связанное Творцом с душой. Состояние прелести есть состояние гибели, или вечной смерти.

Искупленному человеку предоставлена свобода повиноваться или Богу, или диаволу, а чтобы свобода эта обнаружилась непринужденно, оставлен диаволу доступ к человеку.

Покаяние и все, из чего оно составляется, как то: сокрушение или болезнование духа, плач сердца, слезы, самоосуждение, памятование и предощущение смерти, суда Божия и вечных мук, ощущение присутствия Божия, страх Божий – суть дары Божии, дары первоначальные и основные, залогов даров высших и вечных. Покаяние, сокрушение духа, плач суть признаки, суть свидетельства правильности молитвенного подвига; отсутствие их – признак уклонения в ложное направление, признак самообольщения, прелести или бесплодия.

Самый опасный, неправильный образ молитвы заключается в том, когда молящийся сочиняет силою своего воображения мечты или картины, заимствуя их, по-видимому, из Священного Писания, в сущности же, – из своего собственного состояния, из своего падения, из своей греховности, из своего самообольщения. Этими картинами он льстит своему самомнению, своему тщеславию, своему высокоумию, своей гордости, обманывает себя. Очевидно, что все, сочиняемое мечтательностью нашей, извращенной падением природой, не существует на самом деле, а есть вымысел и ложь, столь свойственные падшему ангелу.

Мечтатель с первого шага на пути молитвенном исходит из области истины, вступает в область лжи, в область сатаны, подчиняется произвольно влиянию сатаны. Если человек во время молитвы взирает на небо, всем этим возбуждает душу свою к Божественному желанию и любви, иногда проливает слезы и плачет, то мало-помалу кичится сердце его, не понимая того умом; он мнит, что совершаемое им есть плод Божественной благодати к его утешению, и молит Бога, чтобы сподобил его всегда пребывать в этом делании. Это признак прелести.

Все святые Отцы, описавшие подвиг умной молитвы, воспрещают не только составлять произвольные мечты, но и преклоняться произволением и сочувствием к мечтам и привидениям, которые могут представиться нам неожиданно, независимо от нашего произволения. Новоначальный должен обращать все внимание на одно сердечное действие, одно это действие признавать непрелестным, прочего же не принимать до времени вступления в бесстрастие. Всякая прелесть льстит нашему самомнению, нашему тщеславию, нашей гордости. Бесы находятся вблизи и окружают новоначальных и самочинных, распростирая сети помыслов и пагубных мечтаний, устраивая пропасти падений. Знай, что действия благодати ясны, демон преподать их не может; он не может преподавать ни кротости, ни тихости, ни смирения, ни ненависти к миру; он не укрощает страстей и сластолюбия, как это делает благодать. Действия его: «дмение» – надменность, напыщенность – высокоумие, страхование, словом, все виды злобы.

Прелесть уже естественно воздвигается на основании богохульства, которым у еретиков извращена догматическая вера. Поведение подвижников латинства, объятых прелестью, было всегда исступленное по причине необыкновенного вещественного, страстного разгорячения. В таком состоянии находился Игнатий Лойола, учредитель Иезуитского ордена. У него воображение было так разгорячено и изошрено, что, как сам он утверждал, ему стоило только захотеть и употребить некоторое напряжение, как являлись перед его взорами, по его желанию, ад или рай. Явление рая и ада совершалось не одним действием воображения человеческого; одного действия воображения недостаточно для этого; явление совершалось действием демонов, присоединявших свое обильное действие к недостаточному действию человеческому, совокуплявших действие с действием, пополнявших действие действием на основании свободного произволения человеческого, избравшего и усвоившего себе ложное направление. Известно, что истинным святым Божиим видения даруются единственно по благоволению Божию и действием Божиим, а не по воле человека и не по его собственному усилию, – даруются неожиданно, весьма редко, при случаях особенной нужды, по дивному смотрению Божию, а не как бы случилось.

Усиленный подвиг находящихся в прелести обыкновенно стоит рядом с глубоким развратом. Разврат служит оценкой того пламени, которым разожжены прельщенные. Подтверждается это и сказаниями истории и свидетельством Отцов. «Видящий духа прелести в явлениях, представляемых им, – сказал преподобный Максим Кавсокаливит, – очень часто подвергается ярости и гневу; благоволение смирения, или молитвы, или слезы истинной не имеет в нем места. Напротив того, он постоянно хвалится своими добродетелями, тщеславствует и предаётся лукавым страстям бесстрашно».

Как неправильное действие умом вводит в самообольщение и прелесть, так точно вводит в них неправильное действие сердцем. Люди, находящиеся в прелести, исполнены безрассудной гордости, желания и стремления видеть духовные видения умом, не очищенным от страстей, не обновленным и не воссозданным десницей Святаго Духа; исполнены такой же гордости и безрассудства желания и стремления сердца насладиться ощущениями святыми, духовными, Божественными, когда оно еще вовсе неспособно для таких наслаждений. Как ум нечистый, желая видеть Божественные видения и не имея возможности видеть их, сочиняет для себя видения из себя или обманывает себя и обольщает, так и сердце, усиливаясь вкушать Божественную сладость и другие Божественные ощущения и не находя их в себе, сочиняет их

из себя, ими льстит себе, обольщает, обманывает, губит себя, входя в область лжи, в общение с бесами, подчиняясь их влиянию, поработавшись их власти.

Одно ощущение из всех ощущений сердца в его состоянии падения может быть употреблено в невидимом богослужении: печаль о грехах, о греховности, о падении, о гибели своей, называемая плачем, покаянием, сокрушением духа.

Первая заповедь, данная Спасителем мира всему без исключения человечеству, есть заповедь о покаянии: *Начат Иисус проповедати и глаголати: покаяйтесь, приблизитесь бо Царство Небесное* (Мф. 4, 17).

Спаситель говорил не раз: *Шедшие же научитесь, что есть: милости хочу, а не жертвы* (Мф. 9, 13). Это значит: Господь, умиловшись над падшими и погибшими людьми, всем даровал покаяние как единственное средство ко спасению, потому что все объаты падением, гибелью.

Не требуют здравии врача, но болящих (Лк. 5, 31).

Ужасная жестокость к себе – отвержение покаяния! Ужасная холодность, нелюбовь к себе – небрежение о покаянии. Жестокий к себе не может быть не жестоким и к ближним. Умиловшись к себе приятием покаяния вместе делается милостивым и к ближним.

Духовные ощущения вполне чужды сердцу, знакомому с одними плотскими и душевными ощущениями. Такое сердце не знает даже о существовании духовных ощущений.

Всем известно, какое душевное бедствие возникло для иудейских книжников и фарисеев из-за их неправильного душевного настроения: они сделались не только чуждыми Бога, но и иступленными врагами Его, богоубийцами. Подобному бедствию подвергаются подвижники молитвы, извергшие из своего подвига покаяние; усиливающие возбуждать в сердце любовь к Богу, усиливающие ощущать наслаждение, восторг, они развивают свое падение, соделывают себя чуждыми Бога, вступают в общение с сатаной, заражаются ненавистью к Святому Духу. Этот род прелести ужасен: он душепагубен, как первый, но менее явен; он редко оканчивается сумасшествием и самоубийством, но растлевает решительно и ум, и сердце. По производимому им состоянию ума Отцы называли его **мнением**. Одержимый этой прелестью мнит о себе, сочиняет о себе мнение, что он имеет многие добродетели и достоинства, даже что обилует дарами Святаго Духа. Мнение составляется из ложных понятий и ложных ощущений; по этому свойству своему оно вполне принадлежит к области отца и представителя лжи – дьявола. Молящийся, стремясь раскрыть в сердце ощущения нового человека и не имея на это никакой возможности, заменяет их ощущениями своего сочинения, поддельными, к которым не замедляет присоединиться действие падших духов. Признав неправильные ощущения, свои и бесовские, истинными и благодатными, он получает соответствующие ощущениям понятия. Ощущения эти, постоянно усваиваясь сердцу и усиливаясь в нем, питают и умножают ложные понятия; естественно, что от такого неправильного подвига образуются самообольщение и бесовская прелесть – мнение.

Зараженного мнением Господь обличает так: *Глаголеши, яко богат есмь, и обогатихся, и ничто же требую: и не веши, яко ты еси окаянен, и беден, и нищ, и слеп, и наг* (Откр. 3, 17). Господь увещевает прельщенного к покаянию. Нет спасения без покаяния, а покаяние принимается от Бога только теми, которые для принятия его продадут все имущество свое, то есть отрекутся от всего, что им ложно усваивалось мнением.

Зараженные прелестью мнения встречаются очень часто. Всякий, не имеющий сокрушенного духа, признающий за собою какие бы то ни было достоинства и заслуги, всякий, не держащийся неуклонно учения Православной Церкви, но рассуждающий о каком-либо догмате или предании произвольно, по своему усмотрению, или по учению инославному, находится в этой прелести. Степень уклонения и упорства в уклонении определяется степень прелести.

Что ты имеешь, – говорит апостол Павел, – *чего бы ты не принял* от Бога? (1 Кор. 4, 7). От Бога имеем и бытие, и пакибытие, и все естественные свойства, все способности: и духовные, и телесные. Мы – должники Богу! Долг наш неоплатим! Из такого воззрения на себя образуется само собою для нашего духа состояние, противоположное мнению, состояние, которое Господь назвал нищетой духа, которое заповедал нам иметь, которое ублажил. Великое бедствие – уклониться от догматического и нравственного учения Церкви, от учения Святаго Духа каким-либо умствованием! Это – возношение, взимающееся на разум Божий. Должно низлагать и пленять такой разум в послушание Христово.

Тщеславие же и сладострастие возбуждаются высокоумием, этим неразлучным спутником мнения. Ужасная гордость, подобная гордости демонов, составляет господствующее качество усвоивших себе ту и другую прелесть.

Обольщенных первым видом прелести гордость приводит в состояние явного умоисступления; в обольщенных вторым видом она, производя умоповреждение, названное в Писании растлением ума, менее приметна, облекается в личину смирения, набожности, мудрости и познается по горьким плодам своим.

Зараженные мнением о достоинствах своих, особенно о святости своей, способны и готовы на все козни, на всякое лицемерство, лукавство и обман, на все злодеяния. Непримиримой враждой дышат они против служителей истины, с неистовой ненавистью устремляются на них, когда они не признают в прельщенных состояния, приписываемого им мнением и выставляемого на позор слепотствующему миру.

Плотской человек никак, никаким способом не может даже представить себе состояния духовных, не может иметь никакого понятия о благодатном плаче; познание этих состояний приобретается не иначе, как опытом.

Общий признак состояния духовных – глубокое смирение и смиренномудрие, соединенное с предпочтением себе всех ближних, с расположением, евангельской любовью ко всем ближним, с стремлением к неизвестности, к удалению от мира.

Одержимые мнением по большей части преданы сладострастию, несмотря на то, что приписывают себе возвышеннейшие духовные состояния, беспримерные в правильном подвижничестве; немногие из них воздерживаются от грубого порабощения сладострастию, воздерживаются единственно по преобладанию в них греха из грехов – гордости.

Из этого рода прелести возникли пагубные ереси, расколы, безбожие, богохульство. Несчастнейшее видимое последствие его есть неправильная, зловредная для себя и для ближних деятельность – зло, несмотря на ясность его и обширность, мало примечаемое и мало понимаемое. Случаются с зараженными мнением делателями молитвы и несчастья, очевидные для всех, но редко; потому что *мнение*, приводя ум в ужаснейшее заблуждение, не приводит его к исступлению, как приводит расстроенное воображение.

На Валаамском острове, в отдаленной пустынной хижине, жил схимонах Порфирий; он занимался подвигом молитвы. Какого рода был этот подвиг, – положительно не знаю. Можно догадываться о неправильности его по любимому чтению схимонаха: он высоко ценил книгу западного писателя Фомы Кемпийского «О подражании Иисусу Христу» и руководствовался ею. Книга эта написана из мнения. Порфирий однажды вечером, в осеннее время, посетил старцев скита, от которого недалеко была его пустынь. Когда он прощался со старцами, они предостерегли его, говоря: «Не вздумай пройти по льду: лед только что стал и очень тонок». Пустыня Порфирия отделялась от скита глубоким заливом Ладожского озера, который надо было обходить. Схимонах отвечал тихим голосом, с наружной скромностью: «Я уже легок стал». Он ушел. Через короткое время послышался отчаянный крик. Скитские старцы встревожились, выбежали. Было темно, не скоро нашли место, на котором совершилось несчастье, не скоро нашли средства достать утопшего, вытащили тело, уже оставленное душой.

В писаниях Отцов хранится великое духовное, христианское и церковное сокровище – догматическое и нравственное предание Святой Церкви.

Книга «Подражание» привела упомянутого мужа в самообольщение, а это прелесть; составила она из ложных понятий; ложные понятия родились из неправильных ощущений, сообщенных книгой. И в книге жительствоет и из книги дышит помазание лукавого духа, льстящего читателям, упоевающего их отравой лжи, услажденной утонченными приправами из высокоумия, тщеславия и сладострастия. Книга ведет читателей своих прямо к общению с Богом, без предочищения покаянием, почему и возбуждает особенное сочувствие к себе в людях страстных, незнакомых с путем покаяния, не предохраненных от самообольщения и прелести, не наставленных правильному жительству учением святых Отцов Православной Церкви. Книга производит сильное действие на кровь и нервы, возбуждает их, и потому особенно нравится она людям, поработанным чувственности; книгой можно наслаждаться, не отказываясь от грубых наслаждений чувственностью. Высокоумие, утонченное сладострастие и тщеславие выставляются книгой за действие благодати Божией. Обняв блуд свой в его утонченном действии, плотские люди приходят в восторг от наслаждения, от упоения, доставляемых беструдно, без самоотвержения, без покаяния, без распятия плоти со страстями и похотями, с ласкательством состоянию радения. Радостно переходят они, водимые слепотой своей и гордостью, с ложа любви скотоподобной на ложе более преступной любви, господствующей в блудилище духов отверженных.

Все частные виды самообольщения и обольщения бесами относятся к двум вышесказанным главным видам и происходят или от неправильного действия ума, или от неправильного действия сердца. В особенности обширно действие мнения.

О приготовлении к молитве

Молитва от соединения духа человеческого с Духом Господа рождает добродетели. По важному значению молитвы перед упражнением ею нужно приготовление себя к ней. Первое приготовление состоит в отвержении памятозлбия и осуждения ближних. Одна жертва, принимаемая Богом от падшего человеческого естества, есть сокрушение духа. Если кто не признает себя грешником, молитва того не благоприятна Господу. Стой на молитве твоей перед невидимым Богом, как бы ты видел Его, с уверенностью, что Он видит тебя, внимательно смотрит на тебя; стой перед невидимым Богом, как стоит уголовный преступник, уличенный в бесчисленных злодеяниях, приговоренный к казни, перед грозным, нелицеприятным судьей. Апостол свидетельствует, что благодарение заповедано Самим Богом: *Непрестанно молитесь. О всем благодарите: сия бо есть воля Божия о Христе Иисусе в вас* (1 Фес. 5, 17—18).

Особенно способствует сохранению внимания во время молитвы весьма неспешное произнесение слов молитвы. Произноси слова не спеша, чтобы ум мог с большим удобством сохранить заключение свое в словах молитвы, чтобы он не ускользал ни из одного ее слова. Молитва, по качеству своему, есть пребывание человека при Боге и соединение человека с Богом; по действию своему, она – примирение человека с Богом, мать и дочь слез, мост, по которому переходят через искушение, стена, защищающая от скорбей, сокрушение браней, бесконечное делание, отсечение отчаяния, источник добродетелей, причина духовных дарований, невидимое преуспеяние, пища души, просвещение ума, указание надежды, разрешение печали, богатство монахов.

Собственно молитвой святые Отцы называют молитву Иисусову, которая произносится так: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Преподобный Иоанн Лествичник говорит о безмолвствующих, что «одни из них поют и большую часть своего времени проводят в этом (пении), а другую претерпевают в молитве»; под именем «пения» здесь надо понимать молитвенное чтение псалмов (тогда еще не было других молитвословий, употребляемых ныне), а под именем «молитвы» – молитву Иисусову. То же значение имеют и следующие слова того же святого: «Ночью большую часть времени отдавай молитве, а меньшую – псалмопению». Так объясняют значение слов «молитва» и «псалмопение» в творении преподобный Иоанна Лествичника «Лествице» великие подвижники и наставники монашества – преподобные Симеон Новый Богослов и Григорий Синаит.

Молитва Иисусова разделяется на два вида: на устную и умную. Подвижник переходит от устной молитвы к умной сам собою, при условии, когда устная молитва внимательна. Сперва должно обучиться устно молитве Иисусовой. Исполняется Иисусова молитва стоя; при изнеможении же сил – сидя и даже лежа.

Существенными принадлежностями этой молитвы должны быть: внимание, заключение ума в слова молитвы, крайняя неспешность при ее произнесении и сокрушение духа. Хотя эти условия необходимы при всякой молитве, но удобнее сохраняются и более требуются при совершении молитвы Иисусовой. При псалмопении разнообразие мыслей, в которые облечена молитва, невольно привлекает к себе внимание ума и доставляет ему некоторое развлечение. Но при молитве Иисусовой ум сосредотачивается в одну мысль – в мысль о помиловании грешника Иисусом. Делание, по наружности, самое сухое, но на опыте оно оказывается самым многоплодным из всех душевных деланий. Сила и достоинство доставляются ему Всесильным, Всесвятым именем Господа Иисуса Христа. Пророк, пророчествуя о Богочеловеке, предвозвестил: *Всяк иже призовет имя Господне, спасется* (Иоил. 2, 32). Слова пророка повторяет святой апостол Павел: *Аще исповеси усты твоими, – говорит он, – Господа Иисуса, и веруеши в сердце твоём, яко Бог Того воздвиже из мертвых, спасешися* (Рим. 10, 9). Святой апостол Петр, по исцелении хромого от рождения именем Господа Иисуса Христа, засвидетельствовал перед

иудейским синедрионом: *Князи людстии и старцы Израилевы! Аще мы (святые апостолы Петр и Иоанн) днесь истязуеми есмы о благодеянии человека немощна, о чесом сей спасеся, разумно буди вам и всем людям Израилевым, яко во имя Иисуса Христа Назореа, Егоже вы распясте, Егоже Бог воскреси от мертвых, о Сем сей стоит пред вами здрав. Несть бо иного имене под небесем, даннаго в человецех, о Немже подобает спастися нам* (Деян. 4, 8—10, 12).

Употребление всесвятого Божественного имени Иисуса в молитве и моление об этом имени установлено Самим Господом нашим Иисусом Христом. В этом можно убедиться из той возвышеннейшей и глубочайшей беседы, помещенной в Евангелии от Иоанна, которую Господь имел со святыми апостолами после Тайной вечери, в многозначительный час, предшествовавший добровольному исшествию Господа на место предания и на страдания, спасительные для рода человеческого.

Учение, произнесенное Господом в этот час, имеет характер окончательного, предсмертного заветания, в котором собраны и изложены Им перед учениками Его, а в лице их перед всем христианством, самые душеспасительные, окончательные заповеди, достоверные и непогрешительные залого жизни вечной. И между прочими залогами и духовными дарами дано и подтверждено позволение и повеление молиться именем Иисуса. *И еже аще что просите от Отца во имя Мое, – сказал Господь ученикам Своим, – то сотворю, да прославится Отец в Сыне. И аще чесо просите во имя Мое, Аз сотворю* (Ин. 14, 13–14). *Аминь, аминь глаголю вам, яко елика аще чесо просите от Отца во имя Мое, даст вам. Доселе не просите ничесоже во имя Мое: просите, и примете, да радость ваша исполнена будет* (Ин. 16, 23—24). Что же такое, могущее принявшего преисполнить радости, даровано будет молящемуся именем Господа Иисуса? Будет дарован, – отвечаем словами Господа, – *Дух Святый, Егоже пошлет Отец во имя Мое* (Ин. 14, 26). Это опытное познание принадлежит святым отцам и есть их предание.

Во-первых, соверши правило с поклонами, потом займись молитвословием или псалмопением и, наконец, молитвой Иисусовой. Первоначально положи себе произносить 100 молитв Иисусовых со вниманием и неспешностью. Впоследствии, если увидишь, что можешь произнести больше, присовокупи другие 100. С течением времени, смотря по надобности, можешь и еще умножить число произносимых молитв. На неспешное и внимательное произнесение 100 молитв потребно времени 30 минут, или около получаса; некоторые подвижники нуждаются и еще в более продолжительном времени.

Не произноси молитв спешно, одну немедленно за другой; делай после каждой молитвы краткий отдых и тем способствуй уму сосредоточиваться. Безостановочное произнесение молитв рассеивает ум. Переводи дыхание с осторожностью; дыши тихо и медленно; этот механизм охраняет от рассеянности. Окончив моление молитвой Иисусовой, не вдайся в разные размышления и мечтания, всегда пустые, обольстительные и обманчивые, но по направлению, полученному в молитвенном подвиге, проводи время до сна. Склоняясь ко сну, повторяй молитву, засыпай с ней. Приучи себя так, чтобы, проснувшись от сна, первой твоей мыслью, первым словом и делом была молитва Иисусова.

Во время церковных служб полезно упражняться молитвой Иисусовой: она, удерживая ум от рассеянности, способствует ему внимать церковному пению и чтению. Постарайся настолько приучиться к молитве Иисусовой, чтобы она сделалась твоей непрестанной молитвой, для чего она очень удобна по краткости своей и для чего неудобны продолжительные молитвы. Отцы сказали: «Инок должен, употребляет ли пищу и питье, пребывает ли в келлии или находится на послушании (в монастырской работе или труде), путешествует или что иное делает, непрестанно вопиять: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного»».

Непрестанная молитва заповедана Самим Богом. Спаситель мира сказал: *Просите, и дастся вам; ищите, и обрящете; толцуйте, и отверзется вам* (Мф. 7, 7). *Бог не имать ли сотворити отмщение избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь, и долготерпя о них? Глаголю вам, яко сотворит отмщение их вскоре* (Лк. 18, 7). Апостол, повторяя учение Гос-

пода, говорит: *Непре станно молитесь* (1 Фес. 5, 17). Таковые могут на всяком месте и во всякое время приносить молитву Богу, воздевая и вознося к Нему *преподобныя руки*: ум и сердце, очищенные от страстей, освященные Духом. Очевидно, что непрестанная молитва не может быть достоянием новонаначального инока; но, чтобы сделаться способным в свое время к непрестанной молитве, он должен приучиться к частой молитве. Частая молитва в свое время сама собою перейдет в непрестанную молитву. Как при непрестанной молитве всего удобнее совершать молитву Иисусову, то новонаначальный должен как можно чаще обращаться к молитве Иисусовой. Выпало ли тебе кратчайшее свободное время? Не убей его в праздности! Не убей его, употребив на какое-либо несбыточное и пустейшее мечтание, на какое-нибудь суетное, ничтожное занятие! Употреби его для упражнения молитвой Иисусовой. Если случится по немощи или, правильнее, по свойству падшего естества увлечься обольстительными мечтаниями и помыслами – не унывай, не расслабляйся. Раскаявшись перед Богом в твоей легкомысленности и сознав перед Ним твое падшее естество и твое увлечение, припади мысленно перед Его милостью и прими меры предосторожности против обольстительного мечтания и обольстительных помыслов.

Кто не приучится к частой молитве, тот никогда не получит непрестанной. Непрестанная молитва – дар Божий, даруемый Богом испытанному в верности рабу и служителю Его. Иначе как непрестанной молитвой невозможно приблизиться к Богу. Непрестанная молитва есть признак милости Божией к человеку, есть признак, что все силы души устремились к Богу. *Помилуй мя, Господи, яко к Тебе воззову весь день. Возвесели душу раба Твоего, яко к Тебе взях душу мою* (Пс. 85, 3—4).

Желающему непогрешительно заниматься молитвой Иисусовой надо проверять себя, свое упражнение ею частым чтением следующих отеческих писаний: 1) «Слова о трезвении» Исихия, пресвитера Иерусалимского; 2) «Глава о трезвении» преподобного Филофея Синайского; 3) «Слова о сокровенном делании во Христе» святого Феополита, митрополита Филadelphийского; 4) сочинения преподобных Симеона Нового Богослова и Григория Синаита, помещенных в первой части Добротолюбия;

5) Слова Никифора Монашествующего и сочинения святых Каллиста и Игнатия Ксанфопулов, помещенных во второй части Добротолюбия;

6) предания преподобного Нила Сорского;

7) «Цветник» священноинока Дорофея и др.

Читатель найдет в Добротолюбии в Слове о трех образах молитвы Симеона Нового Богослова, в Слове Никифора Монашествующего и в сочинении Ксанфопулов наставление о художественном введении ума в сердце при пособии естественного дыхания, иначе, механизм, способствующий достижению умной молитвы. Это учение отцов затрудняло и затрудняет многих читателей, между тем как тут нет ничего затруднительного. Советуем возлюбленным братьям не доискиваться открытия в себе этого механизма, если он не откроется сам собою. Многие, стараясь узнать его опытом, повредили свои легкие и ничего не достигли. Сущность дела состоит в том, чтобы ум соединился с сердцем при молитве, а это совершает Божия благодать в свое время, определяемое Богом. Упомянутый механизм вполне заменяется неспешным произношением молитвы, кратким отдыхом после каждой молитвы, тихим и неспешным дыханием, заключением ума в слова молитвы. При посредстве этих пособий мы удобно можем достигнуть внимания в известной степени. Вниманию ума при молитве начинает весьма скоро сочувствовать сердце. Сочувствие сердца уму мало-помалу начнет переходить в соединение ума с сердцем, и механизм, предложенный отцами, явится сам собою. Все механические средства, имеющие вещественный характер, предложены отцами единственно как пособия к удобнейшему и скорейшему достижению внимания при молитве, а не как что-нибудь существенное.

Существенная, необходимая принадлежность молитвы есть внимание. Без внимания нет молитвы. Истинное, благодатное внимание является от умерщвления сердца для мира. Пособия всегда остаются только пособиями. Те же святые Отцы, которые предлагают вводить ум в сердце вместе с дыханием, говорят, что ум, получив навык соединяться с сердцем или, правильнее, стяжав это соединение по дару и действию благодати, не нуждается в пособиях механизма для такого соединения, но просто, сам собою, своим собственным движением соединяется с сердцем. Это так и должно быть. Разъединение ума с сердцем, противодействие их друг другу произошли от нашего падения в грех; естественно для Божественной благодати, когда она прострет перст свой для исцеления сокрушенного и раздробленного на части человека его падением, воссоединять раздельные его части, воссоединять ум не только с сердцем и душой, но и с телом, давать им одно правильное стремление к Богу. Вместе с соединением ума с сердцем подвижник получает силу противостоять всем страстным помыслам и страстным ощущениям. Может ли это быть следствием какого-либо механизма? Нет! Это – следствие благодати, это – плод Святаго Духа, осеняющего невидимый подвиг Христова подвижника, непостижимого для плотских и душевных человеков.

Читая у Отцов о сердечном месте, которое обретает ум молитвой, надо понимать словесную силу сердца, помещенную Творцом в верхней части сердца, силу, которой сердце человеческое отличается от сердца скотов, имеющих силу воли, или желания, и силу ревности, или ярости, наравне с человеками. Сила словесства выражается в совести, или в сознании нашего духа, без участия разума, в страхе Божиим, в духовной любви к Богу и ближнему, в ощущении покаяния, смирения, кротости, в сокрушении духа или глубокой печали о грехах и в других духовных ощущениях, чуждых животным. Сила души – ум – хотя и духовна, но имеет местом пребывания своего головной мозг; так и сила словесства, или дух человека, хотя и духовна, но имеет местом пребывания своего верхнюю часть сердца, находящуюся под левым сосцом груди, около сосца и несколько выше его. Соединение ума с сердцем есть соединение духовных помыслов ума с духовными ощущениями сердца. Так как человек пал, так как его помыслы и ощущения изменились из духовных в плотские и душевные, то надо при посредстве евангельских заповедей возвести ум и дух к помышлениям и ощущениям духовным. Когда ум и дух исцелятся, тогда они и соединятся о Господе. Образуется в свое время в отделе сердца, где помещается сила словесства, или дух, чудный, нерукотворный, духовный храм Божий, Святая святых; туда нисходит ум, хиротонисанный Святым Духом во священника и архиерея, для поклонения Богу духом и истиною. Тогда познает христианин блаженным опытом сказанное в Священном Писании: *Вы бо есте церкви Бога жива, якоже рече Бог: яко вселюся в них и похожду, и буду им Бог, и тиши будут мне людие* (2 Кор. 6, 16).

Ниже силы словесства, в середине сердца, помещается сила ревности, ниже ее, в низшей части сердца, помещается сила желания, или воли. В животных эти две силы действуют очень грубо, как несколько не связанные словесностью; в людях они действуют сообразно тому, насколько и каким образом развит дух их. Но действовать правильно и быть в полном подчинении духа, или силы словесства, они могут только в истинном христианине, низложившем не только явно греховные, но и все естественные помыслы и ощущения перед разумом Христовым – Евангелием. Ум и сердце иначе не возмогут соединиться, как при посредстве духа и истины. Это значит: ум и сердце не возмогут соединиться, если не отвергнутся вполне падшего естества, если не предадут себя вполне руководству Евангелия, если за постоянное и усиленное последование евангельским заповедям не привлекут к себе благодати Всесвятаго Духа, не исцелятся и не оживут от прикосновения ее, от осенения ею. Не только всякое греховное чувство и всякий греховный помысл, но и все естественные помыслы и ощущения, как бы они ни были тонки и замаскированы мнимой праведностью, разрушают соединение ума с сердцем, ставят их в противодействие друг другу. При уклонении с духовного направле-

ния, доставляемого Евангелием, тщетны все пособия и механизмы: сердце и ум никогда не соединятся между собой.

Исполнение заповедей, предшествующее соединению ума с сердцем, различествует от исполнения заповедей, последующего соединению. До соединения подвижник исполняет заповеди с величайшим трудом, насилуя и принуждая свое падшее естество. По соединении духовная сила, соединяющая ум с сердцем, влечет к исполнению заповедей, делает его удобным, легким, сладостным. *Путь заповедей Твоих текох, егда разширил еси сердце мое* (Пс. 118, 32), – сказал Псалмопевец.

О молитве Иисусовой

Одна внешняя молитва недостаточна. Бог внимает уму, а потому те монахи, которые не соединяют внешней молитвы со внутренней, не суть монахи. Ум подвижника, не уединившегося и не заключившегося в себе, находится по необходимости среди молвы и мятежа, производимых бесчисленными помыслами, имеющими к нему всегда свободный доступ, и сам болезненно, без всякой нужды и пользы, зловредно для себя скитается по вселенной; тот истинный монах, кто отрекся от пристрастных помыслов.

Хранение ума, блюдение ума, трезвение, внимание, умное делание, умная молитва – это различные наименования одного и того же душевного подвига в различных его видоизменениях.

Внимание есть сердечное, непрестанное безмолвие, всегда и непрерывно призывающее Христа Иисуса, Сына Божия и Бога, дышащее Им, с Ним мужественно ополчающееся против врагов, исповедующееся Ему, Единому имеющему власть прощать грехи. Внутренним деланием, умным, душевным деланием, умной молитвой, трезвением, хранением и блюдением ума, вниманием называется одно и то же – благоговейное, тщательное упражнение в молитве Иисусовой. *Исходящее от человека, скверняет человека. Извнутри бо, от сердца человеческого, помышления злая исходят, прелюбодения, любодения, убийства, татьбы, лихоимства, обиды, лукавствия, лесь, студодения, око лукаво, хула, гордыня, безумство. Вся сила злая извнутри исходят, и сквернят человека* (Мк. 7, 20—23). Невозможно очистить сердце и отогнать от него враждебных духов без частого призывания Иисуса Христа.

Истинные поклонники поклонятся Отцу духом и истиною; *ибо Отец таковых ищет поклоняющихся Ему. Бог есть дух, и иже кланяется Ему, духом и истиною достоин кланяться* (Ин. 4, 23—24).

Моление именем Господа Иисуса Христа требует трезвенной, строго нравственной жизни, жизни странника, требует оставления пристрастий. Достижение же бесстрастия, освящения или, что то же, христианского совершенства без стяжания умной молитвы невозможно; в этом согласны все отцы.

Всегда тесный путь имеет мало путешественников, а широкий – много. Тесный путь – в точном смысле слова! Желаящий успешно заняться молитвой Иисусовой должен оградить себя и извне, и внутри поведением самым благоразумным, самым осторожным: падшее естество наше готово ежечасно изменить нам, предать нас; падшие духи с особенным неистовством и коварством наветуют упражнению молитвой Иисусовой. Уста и язык должны быть обузданы, как бы окованы молчанием; празднословие, многословие, особенно насмешки, пересуды и злое речие суть злейшие враги молитвы.

Вступивший умом в подвиг молитвы должен отречься и постоянно отрекаться как от всех помыслов и ощущений падшего естества, так и от всех помыслов и ощущений, приносимых падшими духами, сколько бы ни были благовидными те и другие помыслы и ощущения; он должен идти постоянно тесным путем внимательнейшей молитвы, не уклоняясь ни налево, ни направо.

Четырех родов помыслы и ощущения действуют на молящегося: одни прозябают из благодати Божией, насажденной в каждого православного христианина святым крещением, другие предлагаются Ангелом Хранителем, иные возникают из падшего естества, наконец, иные наносятся падшими духами. Первых двух видов помыслы, правильное, воспоминания и ощущения, содействуют молитве, оживляют ее, усиливают внимание и чувство покаяния, производят умиление, плач сердца, слезы, обнажают перед взорами молящегося обширность греховности его и глубину падения человеческого, возвещают о неминуемой смерти, о безызвестности часа ее, о нелицеприятном и Страшном суде Божиим, о вечной муке, по лютости своей пре-

вышающей постижение человеческое. В помыслах и ощущениях падшего естества добро смешано со злом, а в демонских – зло часто прикрывается добром, действуя, впрочем, иногда и открытым злом. Последних двух родов помыслы и ощущения действуют совокупно по причине связи и общения падших духов с падшим человеческим естеством, и первым плодом действия их является высокоумие, в молитве – рассеянность. Демоны, принося мнимодуховные и высокие разумения, отвлекают ими от молитвы, производят тщеславную радость, услаждение, самодовольство, как бы открытие таинственнейшего христианского учения. Вслед за демонскими богословием и философией вторгаются в душу помыслы и мечтания суетные и страстные, расхищают, уничтожают молитву, разрушают благое устройство души. По плодам различаются помыслы и ощущения истинно благие от помыслов и ощущений мнимоблагих.

Молитва Иисусова состоит из следующих слов: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Некоторые Отцы разделяют молитву для новоначальных на две половины и повелевают с утра и примерно до обеда говорить: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя», а после обеда: «Сыне Божий, помилуй мя».

Это – древнее предание. Но лучше приучиться, если то можно, к произношению цельной молитвы. Разделение допущено по снисхождению к немощи немощных и новоначальных. *И аще чесо просите во имя Мое, Аз сотворю* (Ин. 14, 14). *Доселе не просисте ничесоже во имя Мое: просите, и примите, да радость ваша исполнена будет* (Ин. 16, 24). Величие имени Господа Иисуса Христа предвозвещено пророками. *Господа нашего призовем* (Пс. 19, 8). *Блажени людие ведущий воскликновение* – усвоившие себе умную молитву: *Господи, во свете лица Твоего пойдут, и о имени Твоем возрадуются весь день, и правдою Твоею вознесутся* (Пс. 88, 16, 17).

Сила молитвы Иисусовой заключается в Божественном имени Богочеловека, Господа и Бога нашего, Иисуса Христа. Апостолы, как видим из книги Деяния и из Евангелия, совершали великие чудеса именем Господа Иисуса Христа: исцеляли недуги, неисцелимые средствами человеческими, воскрешали мертвых, повелевали бесам, изгоняли их из одержимых ими людей.

Однажды, вскоре после вознесения Господня на небо, когда все двенадцать апостолов пребывали еще во Иерусалиме, два из них, Петр и Иоанн, пошли для молитвы в храм Иерусалимский. К вратам храма, называемым Красными, ежедневно выносили хромого от рождения и полагали на помост; хромым не мог ни ходить, ни стоять. Поверженный у врат страдалец просил у входивших в храм милостыню, которой, как видно, питался. Когда апостолы приблизились к Красным вратам, то хромым устремил на них взор, ожидая получить подавание. Тогда святой Петр сказал ему: *Сребра и злата несть у мене, но еже имам, сие ти даю: во имя Иисуса Христа Назореа, востани и ходи* (Деян. 3, 6). Увечный исцелился мгновенно, взошел в храм с апостолами и громко прославлял Бога. Народ, пораженный чудом, сбегался к апостолам. *Мужие Израильяне!* – сказал святой Петр собравшемуся народу. – *Что чудитесь о сем? Или на ны что взираете, яко своею ли силою или благочестием сотворихом его ходити? Бог Авраамов и Исааков и Иаковль, Бог отец наших прослави Отрока Своего Иисуса... о вере имени Его сего, егоже видите и знаете, утверди имя Его* (Деян. 3, 12—16).

Весть о чуде вскоре пронеслась до враждебного Господу Иисусу синедриона. Встревожился синедрион, схватил апостолов, отдал под стражу, а на следующий день призвал их к суду. Призван был и исцеленный хромец. Когда апостолы встали посреди сонмища богоубийц, недавно заклеивших себя казнию Богочеловека, во имя и именем Которого теперь совершено поразительнейшее чудо перед множеством очевидцев-свидетелей, апостолам задан был вопрос: *Коею силою или коим именем сотвористе сие вы?* Петр, исполнившись Святаго Духа, отвечал: *Разумно буди всем вам и всем людям Израилевым, яко во имя Иисуса Христа Назореа, Егоже вы распяте, Егоже Бог воскресил от мертвых, о Сем сей стоит пред вами здрав... Несть бо иного имени под небесем, даннаго в человецех, о немже подобает спастися нам* (Деян.

4, 10). Запечатлелись молчанием уста врагов Божиих перед непреодолимой силой глаголов небесной истины, не нашлось многочисленное сонмище мудрых и сильных, что сказать и чем возразить на свидетельство Святаго Духа, возведенное двумя некнижными рыбаками, запечатленное небесной печатью – Божиим чудом.

Тогда двенадцать апостолов и все члены новорожденной Иерусалимской Церкви пролили единодушно пламенную молитву к Богу; молитву противопоставили они силе и ненависти миродержителей – человеков и демонов. Молитва эта заключалась в следующем прощении: *Господи, призри на прещения их, и даждь рабом Твоим со всяким дерзновением глаголати слово Твое, внегда руку Твою прострети Ти во исцеления, и знамением и чудесем бывати именем святым Отрока Твоего Иисуса* (Деян. 4, 29—30).

Господь наш Иисус Христос есть единственный источник нашего спасения; человеческое имя Его заимствовало от Божества Его неограниченную, всесвятую силу спасти нас.

Монашество – наука из наук; надо знать ее, чтобы верно оценивать преподающего ее. Рассмотрим писания Отцов и увидишь, что все они без исключения советуют и заповедуют упражнение молитвой Иисусовой, называют ее оружием, которого нет крепче ни на небе, ни на земле, называют ее Богоданным неотъемлемым наследием, одним из окончательных и высших завещаний Богочеловека, утешением любвеобильным и сладчайшим, залогом достоверным. Наконец, обратись к законоположению Православной Восточной Церкви и увидишь, что она для всех неграмотных чад своих: и монахов, и мирян – установила заменять псалмопение и молитвословие на келейном правиле молитвой Иисусовой. Хуление молитвы именем Иисуса, приписание зловредного действия этому имени равновесны той хуле, которую произносили фарисеи на чудеса, совершаемые Господом. Учение о Божеской силе имени Иисусова имеет полное достоинство основного догмата и принадлежит к всесвятости числу и составу этих догматов.

Преподобный Григорий Синаит говорит: «Одна причина прелести – гордость».

В наше время, при совершенном оскудении боговдохновенных наставников, нужна особая осторожность, особенная бдительность над собою. В упражнении молитвой Иисусовой есть свое начало, своя постепенность, свой конец бесконечный. Необходимо начинать упражнение с начала, а не с середины и не с конца. Должно начинать с начала, то есть совершать молитву со вниманием и благоговением, с целью покаяния, заботясь единственно о том, чтобы эти три качества постоянно сопредельствовали молитве. Так и преподобный Иоанн Лествичник, этот великий делатель благодатной сердечной молитвы, предписывает находящимся в послушании молитву внимательную, а созревшим для безмолвия – молитву сердечную. Для первых он признает невозможной молитву, чуждую рассеянности, а от вторых требует такой молитвы. В обществе человеческом должно молиться одним умом, а наедине – и умом, и устами, несколько вслух себе одному. Опыт не замедлит открыть уму молящегося теснейшую связь между заповедями Евангелия и молитвой Иисусовой. Эти заповеди служат для этой молитвы тем, чем служит елей для горящего светильника: без елея светильник не может быть возжен; при оскудении елея не может гореть, он гаснет, разливая вокруг себя дым зловонный.

Истинное безмолвие состоит в усвоившейся сердцу Иисусовой молитве, и некоторые из святых отцов совершили великий подвиг сердечного безмолвия и затвора, окруженные молвой человеческой. Единственно на нравственности, приведенной в благоустройство евангельскими заповедями, единственно на этом твердом камне евангельском может быть воздвигнут величественный, священный, невещественный храм богоугодной молитвы.

«Хотящие взойти, – говорит преподобный Симеон Новый Богослов, – на высоты молитвенного преуспевания да не начинают идти сверху вниз, но да восходят снизу вверх, сперва на первую ступень лестницы, потом на вторую, далее на третью, наконец, на четвертую. Таким образом всякий может восстать от земли и взойти на небо. Во-первых, он должен подвизаться, чтобы укротить и умалить страсти. Во-вторых, он должен упражняться в псалмопении, то есть

в молитве устной; когда умалются страсти, тогда молитва, естественно, доставляя веселие и сладость языку, вменяется благоугодной Богу. В-третьих, он должен заниматься умной молитвой». Здесь разумеется молитва, совершаемая умом в сердце; у новоначальных – молитва внимательная, при сочувствии сердца. Отцы редко удостоивают наименования умной молитвы, причисляя ее более к устной. «В-четвертых, – продолжает преподобный Симеон Новый Богослов, – он должен восходить к видению. Первое составляет принадлежность новоначальных; второе – возрастающих в преуспевании; третье – достигших крайнего преуспевания; четвертое – совершенных». Далее преподобный Симеон Новый Богослов говорит, что подвижающиеся о умалении страстей должны приобучаться к хранению сердца и к внимательной молитве Иисусовой, соответствующей их устроению.

В общежитиях преподобный Пахомия Великого, производших возвышеннейших делателей умной молитвы, каждого вновь вступившего в монастырь, во-первых, занимали телесными трудами под руководством старца в течение трех лет. Телесными трудами, частыми наставлениями старца, ежедневной исповедью внешней и внутренней деятельности, отсечением воли обуздывались страсти могущественно и быстро, доставлялась уму и сердцу значительная чистота. При упражнении в трудах преподавалось новоначальному соответствующее его устроению делание молитвы. По истечении трех лет требовалось от новоначальных изучение наизусть всего Евангелия и Псалтири, а от способных – и всего Священного Писания, что необыкновенно развивает устную внимательную молитву. Уже после этого начиналось тайноучение умной молитве; объяснялось оно обильно и Новым, и Ветхим Заветами. Таким образом, монахи вводились в правильное понимание умной молитвы и в правильное упражнение ею. От прочности основания и от правильности в упражнении дивным было преуспевание.

Как гордость есть вообще причина прелести, так смирение – добродетель, прямо противоположная гордости, – служит верным предостережением и предохранением от прелести. Преподобный Иоанн Лествичник назвал смирение погублением страстей. Очевидно, что в том, в ком не действуют страсти, в ком обузданы страсти, не может действовать и прелесть; потому что прелесть есть страстное или пристрастное уклонение души ко лжи на основании гордости. При упражнении же молитвой Иисусовой и вообще молитвой вполне и всей верностью предохраняет вид смирения, называемый плачем.

Плач есть сердечное чувство покаяния, спасительной печали о греховности и разнообразной, многочисленной немощи человека. Плач есть *дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно*, которое *Бог не уничижит* (Пс. 50, 19), то есть не предаст во власть и поругание демонам, как предается им сердце гордое, исполненное самомнения, самонадеянности, тщеславия. Плач есть та единственная жертва, которую Бог принимает от падшего человеческого духа до обновления человеческого духа Святым Божиим Духом. Да будет наша молитва проникнута чувством покаяния, да совокупится она с плачем, и прелесть никогда не воздействует на нас.

Преподобный Григорий Синаит говорит: «Если диавол увидит, что подвижник живет плачевно, то не пребывает при нем, не терпя смирения, происходящего от плача. Великое оружие – иметь при молитве и плач. Непрелестная молитва состоит в теплоте с молитвой Иисусовой, которая (молитва Иисусова) и влагает огонь землю сердца нашего, в теплоте, пополюющей страсти, как терние, производящей в душе веселие и тихость. Теплота эта не приходит с правой или с левой стороны и не сверху, но прозябает в самом сердце, как источник воды от Животворящего Духа. Возлюби ее единую найти и стяжать в сердце, соблюдая твой ум приснонемечтательным, чуждым разумений и помышлений, и не бойся. Сказавший: *Дерзайте, Аз есмь, не бойтесь* (Мф. 14, 27) – Он с нами. Он – Тот, Кого мы ищем. Он всегда защитит нас, и мы не должны бояться или воздыхать, призывая Бога».

Слово об упражнении молитвой Иисусовой

Имя Господа нашего Иисуса Христа – Божественно; сила и действие этого имени Божественны; они всемогущи и спасительны; они превыше нашего понятия, недоступны для него. С верою, упованием, усердием, соединенным с великим благоговением и страхом, будем совершать великое дело Божие, преподанное Богом, будем упражняться в молитве именем Господа нашего Иисуса Христа. «Непрестанное призывание имени Божия, – говорит преподобный Варсонофий Великий, – есть врачевание, убивающее не только страсти, но и самое действие их».

Наше обычное состояние, состояние всего человечества, есть состояние падения, прелесть, погибели. Сознывая и, по мере сознания, ощущая это состояние, будем молитвенно вопить из него, вопить в сокрушении духа, вопить с плачем и стенаниями, вопить о помиловании.

Преподобный Иоанн Лествичник советует заключать ум в слова молитвы, и сколько бы раз он не устранился из слов, опять вводить его. Этот механизм особенно полезен и особенно удобен. Когда ум будет таким образом во внимании, тогда и сердце вступит в сочувствие уму умилением, тогда молитва будет совершаться совокупно умом и сердцем. Слова молитвы должно произносить очень неспешно, даже протяжно, чтобы ум имел возможность заключаться в слова. Мы, как младенцы, заботясь о качестве молитвы, о внимании при посредстве заключения ума в слова, будем молиться очень много. Количество служит причиной качества. Господь дает чистую молитву тому, кто молится безленостно, много и постоянно своей оскверняемой развлечением молитвой.

Не скоро инок справится с умом своим; не скоро он приучит ум свой пребывать в словах молитвы, как бы в заключении и в затворе. Отвлекаемый усвоившимися ему пристрастиями, впечатлениями, воспоминаниями, попечениями, ум новоначального непрестанно расторгает спасительные для него узы, оставляет тесный путь, уносится на широкий; любит он странствовать свободно в поднебесной, в стране обольщений, с духами, низверженными с неба, – странствовать без цели, безрассудно, зловредно для себя.

Священноинок Дорофей советует приобучающемуся молитве Иисусовой сначала произносить ее гласно. Он говорит, что гласная молитва сама собою переходит в умную. А от умной молитвы является молитва сердечная. Произносить молитву Иисусову должно не громким голосом, но тихо, вслух себе одному. При особенном действии рассеянности, печали, уныния, лености очень полезно совершать молитву Иисусову гласно: на гласную молитву Иисусову душа мало-помалу возбуждается от тяжкого нравственного сна, в который обычно ввергают ее печаль и уныние; очень полезно совершать молитву Иисусову гласно при усиленном нашествии помыслов и мечтаний плотского вождения и гнева, когда от действия их разгорячатся и закипит кровь, отнимутся мир и тишина у сердца, когда ум поколеблется, ослабеет, как бы ниспровергнется и свяжется множеством непотребных помыслов и мечтаний; воздушные князи злобы, присутствие которых не обличается телесными очами, но познается душой по производимому ими действию на нее, услышав грозное для них имя Господа Иисуса, придут в недоумение и замешательство, устроятся, не замедлят отступить от души. Произносить молитву Иисусову гласно, вслух себе одному надо не спеша, а заключая ум в слова молитвы.

Преподобный Нил Сорский заимствовал способ свой у греческих Отцов – преподобных Симеона Нового Богослова и Григория Синаита – и несколько упростил его. Святой Нил говорит: «Следуй сказанному этими святыми об удерживании дыхания, то есть чтобы не часто дышать, и опыт вскоре научит, что это очень полезно к собранию ума».

Начинающему обучаться молитве Иисусовой очень вспомоществует к обучению ей ежедневное келейное правило из известного числа земных и поясных поклонов, соответственно силам.

Плоды духовной теплоты – покаяние, смирение, плач, слезы.

Место сердечное – это словесная сила, или дух человека, присутствующий в верхней части сердца, против левого сосца, подобно тому, как ум присутствует в головном мозге. При молитве нужно, чтобы соединился дух с умом и вместе с ним произносил молитву, причем ум действует словами, произносимыми одной мыслью или с участием голоса, а дух действует чувством умиления или плача. Соединение даруется в свое время Божественной благодатью, а для новоначальных достаточно, если дух будет сочувствовать и содействовать уму. При сохранении внимания умом дух непременно ощутит умиление.

Дух обыкновенно называется сердцем, как и вместо слова «ум» употребляется слово «голова».

Преподобный Исаак Сирин говорит: «Не многие сподобились чистой молитвы, но малые; достигший же к таинству, совершающемуся после нее, и перешедший на другой берег (Иордана) едва встречается один из поколения в поколение по благодати и благоволению Божию».

В первом периоде предоставляется молящемуся молиться при одном собственном усилии; благодать Божия, несомненно, содействует молящемуся благонамеренно, но она не обнаруживает своего присутствия. В это время страсти, сокровенные в сердце, приходят в движение и возводят делателя молитвы к мученическому подвигу, в котором поражения и победы непрестанно сменяют друг друга, в котором свободное произволение человека и немощь его выражаются с ясностью. Во втором периоде благодать Божия являет ощутительно свое присутствие и действие, соединяя ум с сердцем, доставляя возможность молиться непарительно или, что то же, без развлеченности, с сердечным плачем и теплотой; при этом греховные помыслы утрачивают насильственную власть над умом.

Преподобный Нил Сорский, ссылаясь на преподобного Григория Синаита, говорит: «Когда придет действие молитвы, тогда оно удерживает ум при себе, увеселяет его и освобождает от парения». Для не стяжавших благодатного действия преподобный признает удержание ума от рассеянности и внимательную молитву подвигом самым трудным, тяжким, неудобным. Чтобы достичь второго состояния, необходимо пройти сквозь первое, необходимо выказать и доказать основательность своего произволения и принести плод в терпении.

Душой и целью молитвы в том и другом состоянии должно быть покаяние. За покаяние, приносимое при одном собственном усилии, Бог дарует в свое время покаяние благодатное, и Дух Святой, вселившись в человека, ходатайствует о нем.

Для новоначального искание места сердечного, то есть искание открыть в себе безвременно и преждевременно явственное действие благодати, есть начинание самое ошибочное, извращающее порядок, систему науки.

Новоначальные должны держаться при упражнении молитвой одного благоговейнейшего внимания, одного заключения ума в слова молитвы, произнося слова очень неспешно, чтобы ум успевал заключаться в них, производя дыхание тихо, но свободно.

«Удерживай, – говорит преподобный Григорий Синаит, – и дыхание, то есть движение ума, смежив несколько уста при совершении молитвы, а не дыхание ноздрей, то есть чувственное, как это делают невежи, чтобы не повредить себя, надмеваясь». Не только в процессе дыхания, но и во всех движениях тела должно наблюдать спокойствие, тихость и скромность. Все это очень способствует к удержанию ума от рассеянности. Ум, молящийся внимательно, непременно привлечет сердце в сочувствие себе, в чувство покаяния. Между сочувствием сердца уму и соединением ума с сердцем, или схождением ума в сердце, – величайшее различие. Преподобный Иоанн Лествичник признает значительным преуспеянием в молитве то, когда ум будет пребывать в словах ее. Этот великий наставник иноков утверждает, что молитва молящегося постоянно и усердно, при заключении ума в слова молитвы, из чувства покаяния и плача непременно осенится Божественной благодатью. Когда молитва осенится Божественной благодатью, тогда не только откроется сердечное место, но и вся душа повлечется к Богу непостижимой духовной силой, увлекая с собой и тело. Молитва преуспевших в ней произносится

из всего существа. Весь человек делается как бы одними устами. Не только сердце обновленного человека, не только душа, но и плоть исполняется духовного утешения и наслаждения, радости о Боге Живом, о Боге, действующем ощутительно и могущественно благодатью Своей.

Молитва покаяния дана всем без исключения, дана обладаемым страстями и подвергающимся насильственному падениям. Они имеют все право вопить ко Господу о спасении, но вход в сердце для молитвенного священнодействия возбранен для них.

Не ищи места сердечного. Не усиливайся тщетно объяснить себе, что значит место сердечное; удовлетворительно объясняется это одним опытом. Если Богу угодно дать тебе познание, то Он даст в свое время и даст таким образом, какого даже не может представить себе плотской человек. Занимайся исключительно и со всей тщательностью молитвой покаяния; старайся молитвой принести покаяние; удовлетворишься в успехе подвига, когда ощутишь в себе нищету духа, умиление, плач.

В наше время делателю молитвы необходимо соблюдать величайшую осторожность. Боговдохновенных наставников нет у нас! Целомудрие, простота, евангельская любовь удалились с лица земли! Соблазны и пороки умножились до бесконечности! Развратом объят мир! Господствует над обществом человеческим, как полновластный тиран, любовь преступная в разнообразных формах! Довольно, предовольно, если сподобимся принести Богу единое, существенно нужное для спасения нашего делания – покаяние.

Смирением вводится в душу мир Божий. Мир Божий есть духовное место Божие, духовное небо; вошедшие в это небо человеки соделываются равноангельными и, подобно Ангелам, непрестанно поют в сердцах своих духовную песнь Богу, то есть приносят чистую, святую молитву, которая в преуспевших есть точно песнь песней.

Попечения и пристрастия, постоянно отвлекая мысль к себе, служат причиной развлечений при молитве; гордость служит причиной сердечного ожесточения; гнев и памятозлобие, основывающиеся на гордости, служат причиной сердечного смущения. Молитва зиждется на послушании и смирении. Оставление смирения для сохранения своего достоинства по отношению к ближнему отнимет у сердца умиление, ожесточит сердце, убьет молитву, лишив ее существенных ее свойств – внимания и умиления. Каждый поступок против смирения есть наветник и губитель молитвы.

Нет такого младенца, который не был бы вскормлен молоком, и не может быть истинным монахом тот, кто не воспитан млеком заповедей, исполняя их усилием, побеждая страсти и таким образом сподобляясь чистоты.

«Рачительный к пашне земледелец, – говорит преподобный Макарий Великий, – сперва обновляет ее и исторгает из нее плевелы, потом уже засеивает ее семенами; так и тот, кто ожидает, чтобы душу его засеял Бог семенами благодати, во-первых, должен очистить душевную ниву, чтобы семя, которое впоследствии повергнет на эту ниву Святой Дух, принесло совершенный и многочисленный плод. Если этого не будет сделано прежде всего и если человек не очистит себя от всякой скверны плоти и духа, то он пребудет плотью и кровью и далеко отстоящим от жизни в Боге».

Кто принуждает себя внимательно и всеусильно к молитве, но не трудится о приобретении смирения, любви, кротости и всего сонма прочих добродетелей, не внедряет их в себя насильно, тот может достигнуть только до того, что иногда, по прощению его, касается его Божественная благодать, потому что Бог, по естественной благодати Своей, человеколюбиво дарует просящим то, что они хотят. Если же получивший не приобучит себя к прочим добродетелям, упомянутыми нами, и не стяжет навыка в них, то или лишается полученной благодати, или, вознесшись, ниспадает в гордость, или, оставаясь на низшей степени, на которую взошел, уже не преуспевает более и не растет. Престолом и покоем, так сказать, для Святого Духа служат смирение, любовь, кротость и все святые заповеди Христовы.

Также диавол, зная, какое великое благо – молитва, старается во время ее возмутить подвижника греховными, суетными помыслами и мечтаниями, чтобы отвратить его от молитвы или молитву сделать бесплодной. Общее правило борьбы с греховными начинаниями заключается в том, чтобы отвергать грех при самом появлении его, убивать таинственных вавилонян, доколе они младенцы.

Будем молиться постоянно, терпеливо, настойчиво. Бог в свое время даст благодатную, чистую молитву тому, кто молится без лености и постоянно своей нечистой молитвой, кто не покидает малодушно молитвенного подвига, когда молитва долго не подается ему. Образец успеха настойчивой молитвы Иисусовой видим в Евангелии. Когда Господь выходил из Иерихона в сопровождении учеников и народного множества, тогда слепец Вартимей, сидевший при пути и просивший милостыни, узнав, что Господь проходит мимо, начал кричать: *Иисусе, Сыне Давидов! помилуй мя!* (Мк. 10, 47). Ему воспрещали кричать, но он тем более кричал. Последствием не умолкающего крика было исцеление слепца Господом. Так и мы будем вопить, несмотря на восстающие из падшего естества и приносимые диаволом помыслы, мечтания и ощущения греховные для воспрепятствования нашему молитвенному воплю, и несомненно получим милость.

Первоначальные плоды молитвы заключаются во внимании и умилении. Эти плоды являются прежде всех других от всякой правильно совершаемой молитвы, преимущественно же от молитвы Иисусовой, упражнение которой превышает псалмопение и прочего молитвословия. От внимания рождается умиление, а от умиления усугубляется внимание. Они усиливаются, рождая друг друга; они доставляют молитве глубину, оживляя постепенно сердце; они доставляют ей чистоту, устраняя рассеянность и мечтательность. Как истинная молитва, так и внимание и умиление суть дары Божии. Как желание стяжать молитву мы доказываем принуждением себя к ней, так и желание стяжать внимание и умиление доказываем понуждением себя к ним.

Далее плодом молитвы бывает постепенно расширяющееся видение своих согрешений и своей греховности, отчего усиливается умиление и обращается в плач. **Плачем** называется преизобильное умиление, соединенное с болезнованием сердца сокрушенного и смиренного, действующее из глубины сердца и объемлющее душу.

Потом являются ощущения присутствия Божия, живое воспоминание смерти, страх суда и осуждения. Все эти плоды молитвы сопровождаются плачем и в свое время осеняются тонким святым духовным ощущением страха Божия. Страх Божий невозможно уподобить никакому ощущению плотского, даже душевного человека. Страх Божий – ощущение совершенно новое. Страх Божий – действие Святаго Духа. От вкушения этого чудного действия начинают истаявать страсти, ум и сердце начинают привлекаться к непрерывному упражнению молитвой.

По некотором преуспевании приходит ощущение тишины, смирения, любви к Богу и ближним, без различия добрых от злых, терпения скорбей как попущения и врачевания Божиего, в которых необходимо нуждается наша греховность. Любовь к Богу и ближним, являющаяся постепенно из страха Божия, вполне духовна, неизъяснимо свята, тонка, смиренна, отличается от бесконечным от любви человеческой в обыкновенном состоянии ее, не может быть сравнима ни с какой любовью, движущейся в падшем естестве, какой бы ни была эта естественная любовь правильной и священной. Одобряется закон естественный, действующий во времени; но закон вечный, закон духовный настолько выше его, насколько Святый Дух Божий выше духа человеческого. «Стяжи плач, – сказали Отцы, – и он научит тебя всему». Восплачем и будем постоянно плакать перед Богом; Божие не может прийти иначе, как по благоволению Божию, и приходит оно в характере духовном, в характере новом, в таком характере, о котором мы не можем составить себе никакого понятия в нашем состоянии плотском, душевном, ветхом, страстном.

Кто, не знающий молитвенного плача и тех таинств, которые он открывает, поймет слова, исшедшие из глубины плача? Достигший самовоззрения посредством духовного подвига видит себя окованным страстями, видит действующих в себе и собою духов отверженных. Брат спросил преподобного Пимена Великого: «Как должен жить безмолвник?» Великий отвечал: «Я вижу себя подобным человеку, погрязшему в болоте по шею, с бременем на шее, и вопию к Богу: «Помилуй мя»». Этот святой, наученный плачем глубочайшему, непостижимому смиренномудрию, говорил сожительствовавшим ему братьям: «Поверьте мне: куда ввергнут диавола, туда ввергнут и меня».

Очень полезно для упражняющегося молитвой иметь в келлии довольно значительного размера иконы Спасителя и Божией Матери. По временам можно обращаться при молитве к иконам как бы к Самим присутствующим тут Господу и Божией Матери. Ощущение присутствия Божия в келлии может сделаться обычным. При таком постоянном ощущении мы будем пребывать в келлии со страхом Божиим, как бы постоянно под взорами Бога. Точно: мы находимся всегда в присутствии Бога, потому что Он вездесущ, – находимся всегда под взорами Бога, потому что Он все и всюду видит. Слава Всемилосердному Господу, видящему нашу греховность и согрешения, долготерпеливо ожидающему нашего покаяния, даровавшему нам не только дозволение, но и заповедь умолять Его о помиловании!

В заутрии сей семя твое, и в вечер да не оставляет рука твоя (Еккл. 11, 6). *Исповедайтесь Господеви, и призывайте имя Его. Взыщете Господа, и утвердитесь, взыщете лица Его вьну* (Пс. 104, 1, 4). Этими словами Священное Писание научает нас, что подвиг служения Богу, подвиг молитвы должен быть совершаем от всей души, постоянно и непрерывно. Скорби внешние и внутренние, долженствующие непременно повстречаться на поприще этого подвига, подобает преодолевать верой, мужеством, смирением, терпением и долготерпением, врачую покаянием и уклонения, и увлечения.

В душу, отрекшуюся от блаженного союза с молитвой, оставившую молитву и оставленную молитвой, вторгаются страсти бурным потоком, наводняют ее. Страсти стяжевают особенную власть над такой душой, особенную твердость и прочность, запечатлеваются ожесточением и мертвостью сердца, неверием. Возвращаются в душу демоны, изгнанные молитвой, разъяренные предшествовавшим изгнанием, возвращаются они с большим неистовством и в большем числе. *Последняя человеку тому бывают горше первых* (Мф. 12, 45).

Слыши, чадо, и прими волю Мою, и не отвержи совета Моего. И введи нозе твои в оковы ея, и в гривну ея вьну твою. Подложисрамо твое и носи ю, и не гнушайся узами ея. Всею душею приступи к ней и всею силою твоею соблюди пути ея. Изследи и взыщи, и познана ти будет, и емься за ню не остави ея, на последок бо обрящеши покой ея, и обратится тебе на веселие. И будут ти пута ея на покой крепости и гривны ея на одеяние славы (Сир. 6, 24—30).

Се лежит, Сей на падение и на востание многим во Израили, и в знамение пререкаемо (Лк. 2, 34). Как Господь был истинным знамением и есть, так и моление всесвятым именем Его есть, в полном смысле, знамение великое и дивное.

После Тайной вечери, между прочими возвышеннейшими окончательными заповеданиями и завещаниями Господь Иисус Христос установил моление Его именем, дал этот способ моления, как новый, необычный дар, дар цены безмерной. Апостолы уже знали отчасти силу имени Иисуса: они исцеляли им неисцелимые недуги, приводили к повиновению себе бесов, побеждали, связывали, прогоняли их. Это могущественнейшее, чудное имя Господь повелевает употреблять в молитвах, обещая от него особенную действенность для молитвы.

Благодатная сила молитвы Иисусовой заключается в самом Божественном имени Богочеловека, Господа нашего Иисуса Христа.

Упражнение молитвой Иисусовой святой Давид, точнее же Дух Святой устами Давида, предлагает всем христианам без исключения: *Царие земстии и вси людие, князи и вси судии*

земстии, юноши и девы, старцы с юнотами да восхвалят имя Господне, яко вознесся имя Того Единого (Пс. 148, 11—13).

Ум, победив и разогнав врагов именем Иисуса, сопричисляется блаженным духам, входит для истинного богослужения в сердечный храм, который доселе был затворен для него, воспевая новую, духовную песнь, воспевая таинственно: *Исповемся Тебе, Господи, всем сердцем моим, и пред Ангелы воспою Тебе, яко услышал еси вся глаголы уст моих. Поклонюся ко храму святому Твоему и исповемся имени Твоему о милости Твоей и истине Твоей, яко возвеличил еси над всем имя Твое святое* (Пс. 137, 1—2).

Когда силой и действием имени Иисуса услышана будет молитва, когда низойдет Божественная помощь к человеку, когда отражены будут и отступят от него враги, когда сподобится он отпущения грехов, когда он будет исцелен и возвращен к непорочному естественному состоянию, когда дух его будет восстановлен во власти своей, тогда последует покаяние во имя Господа, подаяние благодатных даров, духовного имущества и сокровища, залога блаженной вечности. По отгнании врагов, причиняющих рассеянность, ослабляющих и оскверняющих молитву, ум входит в мрак неведения ничего и предстоит лицу Божию без всякого посредства.

Между непостижимыми, чудными свойствами имени Иисуса находится свойство и сила изгонять бесов. Так понимаются святыми отцами слова Христовы о возвращении диавола с другими семью лютейшими духами в душевный храм, из которого удалился Святый Дух, что вшедшие таким образом духи снова изгоняются молитвой Иисусовой. Сила сатаны, пребывающая в человеке при его рассеянной жизни, непримечаемой и непонимаемой, когда услышит имя Господа Иисуса, призываемое молящимся, приходит в смятение. Она воздвигает все страсти в человеке, посредством их приводит всего человека в страшное колебание, производит в теле различные странные болезни.

Желающий очистить сердце свое да разжигает его непрестанно памятью Господа Иисуса, имея единственно это непрерывающимся поучением и делом. Те, которые хотят отвергнуть свою ветхость, не должны иногда молиться, а иногда нет, но непрестанно пребывать в молитве блюдением ума, хотя бы они и находились вне молитвенных храмов.

Иисус проходит, как свидетельствует апостол, *даже до разделения души же и духа, членов же и мозгов, и судительно помышлением и мыслем сердечным* (Евр. 4, 12), проходит, истребляя греховность из всех частей души и тела.

Господи, и бесы повинуются нам о имени Твоем (Лк. 10, 17). *Се даю вам власть наступати на змию и на скорпию и на всю силу вражию: и ничесоже вас вредит* (Лк. 10, 19). Власть, данная Господом семидесяти ученикам Его, дана всем христианам. Пользуйся ею, христианин! Посекай именем Иисусовым главы, то есть начальные проявления греха в помыслах, мечтаниях и ощущениях; уничтожь в себе владычество над тобою диавола; уничтожь все влияние его на тебя; стяжи духовную свободу.

Возвышеннейшее умное делание необыкновенно просто, нуждается для принятия в младенческой простоте и вере. Чтобы быть учеником Господа, должно соделаться младенцем и с младенческой простотой и любовью принять Его учение. Таково свойство любви! Она непрестанно помнит о Любимом; она непрестанно услаждается именем Любимого; она хранит Его в сердце, имеет в уме и на устах.

Святитель Иоанн Златоуст, советуя тщательное и постоянное упражнение молитвой Иисусовой особенно монахам, говорит о ней, как о предмете общеизвестном.

Преподобный Пахомию Великому для подведомственного ему многочисленного общества монахов Ангел Божий преподал молитвенное правило, которое иноки должны были совершать каждый час и которое состояло из Трисвятого, молитвы Господней, 50-го псалма, Символа веры и ста молитв Иисусовых.

Великий наставник иночествующих преподобный Иоанн Лествичник дважды говорит о способе упражнения молитвой в своей «Лествице», возводящей от земли на небо, в «Слове о

послушании» и в «Слове о молитве». В «Слове о молитве» он говорит: «Подвизайся возвращать, точнее заключать мысль в слова молитвы. Невозможно связывать дух; но где присутствует Создатель этого духа, там все покоряется Ему. Начало молитвы – помыслы, отгоняемые молитвой при самом их начале; середина—когда ум пребывает в одних словах, произносимых гласно или умом; конец – восхищение ума к Богу». В «Слове о послушании» преподобный Иоанн говорит: «Борись с мыслью непрестанно, возвращая ее к себе, когда она улетает; Бог не требует от послушников молитвы непарительной. Не скорби, будучи окрадаем, но благодушествуй, постоянно возвращая ум к самому себе». Здесь преподан способ внимательно молиться, молиться и гласно, и одним умом. Во внимательной молитве не может не принять участие сердце, как сказал преподобный Марк: «Ум, молящийся без развлечения, утесняет сердце».

Внимание и сокрушение духа—вот та клеть, которая дана в пристанище кающимся грешникам.

Весьма хорош способ обучения Иисусовой молитве, предлагаемый священноиноком Дорофеем, российским подвижником и аскетическим писателем. «Кто молится устами, – говорит священноинок, – а о душе небрежет и сердца не хранит, такой человек молится воздуху, а не Богу, и все трудится; потому что Бог внимает уму и усердию, а не многоречию. Молиться должно от всего усердия своего: от души, и ума, и сердца своего, со страхом Божиим, от всей крепости своей. Умная молитва не попускает входить во внутреннюю клеть ни парению, ни скверным помыслам. Хочешь ли научиться деланию умной и сердечной молитвы? Я научу тебя. Внимай прилежно и разумно, послушай меня. Сначала должно тебе творить молитву Иисусову голосом, то есть устами, языком и речью, вслух себе одному. Когда насытятся уста, язык и чувства молитвой, произносимой гласно, тогда гласная молитва прекращается и начинается она произноситься шепотом. После этого должно поучаться умом, приникать и прилежать всегда поучению. Тогда умная и сердечная молитва начнет по действию Божественной благодати самовластно непрестанно воздвигаться, обноситься и действовать на всякое время, при всяком деле, на всяком месте».

Блаженный старец Серафим Саровский завещает новонаначальному, по прежде существовавшему общему обычаю в Саровской пустыни, творить непрестанно молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». «При молитве, – наставляет старец, – внимай себе, то есть собирай ум и соедини его с душою. Сначала день, два и более твори эту молитву одним умом раздельно, внимая каждому слову особо. Когда Господь согреет сердце твое теплотой благодати Своей и соединит тебя во един дух, тогда потечет в тебе эта молитва непрестанно и всегда будет с тобою, наслаждая и питая тебя. Молчи, непрестанно молчи; помни всегда присутствие Бога и имя Его. Сидя за трапезой, не смотри и не осуждай, сколько кто ест, но внимай себе, питая душу молитвой».

«Всякому, – говорит он, – желающему проходить жизнь духовную должно начинать с деятельной жизни, а потом уже переходить к умозрительной, потому что без деятельной жизни в умозрительную прийти невозможно. К сей могут приступать только очистившиеся от страстей и стяжавшие полное обучение в деятельной жизни».

«Благодатные дарования, – утверждает преподобный Серафим, – получают только те, которые имеют внутреннее делание и бдят о душах своих. Истинно решившиеся служить Богу должны упражняться в памяти Божией и непрестанной молитве ко Господу Иисусу Христу, говоря умом: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Таковым упражнением при охранении себя от рассеянности и при соблюдении мира совести можно приблизиться к Богу и соединиться с Ним. Иначе, как непрестанной молитвой, по словам преподобного Исаака Сирина, приблизиться к Богу мы не можем».

Новонаначальный с особенным удобством приучается к молитве Иисусовой на продолжительных монастырских молитвословиях. Присутствуя на них, к чему бесплодно и душевредно скитаться мыслями повсюду? А этого невозможно избежать, если ум не будет привязан к чему-

либо. Займись молитвой Иисусовой; она удержит ум от скитания; ты сделаешься гораздо сосредоточеннее, глубже; гораздо лучше будешь внимать чтению и постепенно обучишься умной молитве. Желаящему проводить внимательную жизнь Серафим завещает не внимать посторонним слухам, от которых голова наполняется праздными и суетными помышлениями и воспоминаниями; завещает не обращать внимания на чужие дела, не размышлять, не судить и не говорить о них; завещает избегать собеседований, вести себя странником; встречающихся отцов и братию почитать поклонами в молчании, при хранении себя от внимательного воззрения на них.

Опыт не замедлит показать, что при употреблении способа прп. Иоанна Лествичника, в особенности сначала, должно произносить слова с крайней неспешностью, чтобы ум успевал вмещаться в слова, как формы, этого нельзя достигнуть при поспешном чтении. Способ преподобный Иоанна Лествичника весьма удобен и при упражнении молитвой Иисусовой, и при келейном чтении молитвословий, даже при чтении Писания и отеческих книг. Приучаться к нему должно, как бы читая по складам – с такой неспешностью.

Святитель Каллист, патриарх Константинопольский, так рассуждает о молитве: «Непрестанная молитва состоит в непрестанном призывании имени Божия. Беседует ли кто, сидит ли, ходит, делает ли что, ест ли или занимается чем другим, должен во всякое время и на всяком месте призывать имя Божие, по завещанию Писания: *Непрестанно молитесь* (1 Фес. 5, 17)».

Внимательная гласная молитва есть вместе и умная, и сердечная. «Оденься прежде листьями, а потом, когда повелит Бог, принесешь и плоды», – сказали Отцы. Стяжи сперва внимательную молитву; предпочищенному и предуготовленному внимательной молитвой, образованному, скрепленному заповедями Евангелия, основанному на них в свое время Всемилобивый Бог дарует молитву благодатную.

Молитвы учитель – Бог; истинная молитва – дар Божий. Молящемуся в сокрушении духа постоянно, со страхом Божиим, со вниманием Сам Бог дает постепенное преуспеяние в молитве. От внимательной и смиренной молитвы являются духовное действие и духовная теплота, от которых оживает сердце. Ожившее сердце привлекает к себе ум, делается храмом благодатной молитвы и сокровищницей доставляемых ей, по ее свойству, духовных даров. «Потрудись, – говорят великие подвижники и учителя молитвы, – сердечным болезнованием приобрести теплоту и молитву, и Бог даст тебе иметь их всегда. Брат, если сердце твое день и ночь с болезнью не будет искать Господа, то ты не сможешь преуспеть».

«Духовное бодрствование, или трезвение, есть духовное искусство, совершенно избавляющее человека с помощью Божией от греховных дел и страстных помыслов и слов, когда оно проходится в течение долгого времени и усердно. Оно – сердечное безмолвие; оно – хранение ума; оно – внимание себе, чуждое всякого помысла, всегда, непрерывно и непрестанно призывающее Христа Иисуса, Сына Божия и Бога, Им дышащее, с Ним мужественно ополчающееся на врагов, Ему исповедующееся». Такое определение духовному бодрствованию дает преподобный Исихий Иерусалимский.

Духовной молитвой названа молитва, движимая Божественной благодатью, а телесной молитвой – молитва, совершаемая человеком при собственном усилии, без явственного содействия благодати.

Преподобный Нил завещает «молчать мыслию», не только не допуская помышлять о чем-либо греховном и суетном, но и о полезном, по-видимому, и о духовном. Вместо всякой мысли он повелевает непрестанно взирать в глубину сердца и говорить: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Молиться можно и стоя, и сидя, и лежа. Крепкие по здоровью и силам молятся стоя и сидя, немощные могут молиться и лежа, потому что в этой молитве господствует не подвиг тела, а подвиг духа. Преподобный Нил повелевает затворять ум в сердце и приудерживать, по возможности, дыхание, чтобы не часто дышать. Это значит: надо дышать тихо. Вообще все движения крови должно удерживать и содержать душу и

тело в спокойном положении тишины, благоговения и страха Божия. Без этого духовное действие появиться в нас не может; оно появляется тогда, когда утихнут все кровяные движения и порывы. Опыт скоро научит, что удерживание дыхания, то есть нечастое и негрубое производство дыхания, очень способствует к приведению себя в состояние тишины и к собранию ума от скитания. «Из опыта известно, что для немощных это делание представляется очень тяжким и неудобным. Когда же кто приобретет благодать, тогда молится без труда и с любовью, будучи утешаем благодатью. Когда придет действие молитвы, тогда оно привлекает ум к себе, веселит и освобождает от парения».

Терпение и пожание во всяком делании есть родитель болезней душевных и телесных. Под словом «болезни» здесь, по преимуществу, разумеется сокрушение духа, плач духа, болезнование и страдание его от ощущения греховности своей, от ощущения вечной смерти, от ощущения порабощения падшим духам. Страдание духа сообщается сердцу и телу. В немощных по телу сокрушение духа и плач его вполне заменяют телесный труд. Не только делание умной молитвы, но и внимательное чтение глубоких о ней отеческих писаний производит головные боли. Сердечное сокрушение, по причине открываемой греховности, плена и смерти, так сильно, что оно производит в теле страдания и болезни.

Дар внимательной молитвы обыкновенно предшествуется особенными скорбями и потрясениями душевными, низводящими дух наш в глубину сознания нищеты и ничтожности своей. Внутреннее делание, в соединении с болезнью сердца, приносит чистоту, а чистота – истинное безмолвие сердца; таким безмолвием доставляется смирение, а смирение соделывает человека жилищем Божиим. Когда же вселится Бог, тогда бесы и страсти изгоняются и соделывается человек храмом Божиим, исполненным освящения, просвещения, чистоты и благодати. Блажен тот, кто зрит Господа во внутреннейшей сокровищнице сердца, как в зеркале, и с плачем изливает моление свое перед благостью Его. Преподобный Иоанн Карпафийский говорит: «Нужно много времени и подвига в молитвах, чтобы найти в нестужаемом устроении ума некоторое иное сердечное небо, где живет Христос, как говорит апостол: *Или не знаете себе, яко Иисус Христос в вас есть; разве точно чим неiskusни есте* (2 Кор. 13, 5)».

«Умное делание есть высшее училище богословия», – говорит преподобный Нил Синайский.

Блаженный Никифор, великий наставник безмолвников, учит: «Итак, ты, седши и собрав твой ум, введи в ноздренный путь, которым дыхание входит в сердце; приведи дыхание в (самое тихое) движение и понудь ум сойти с вдыхаемым воздухом в сердце. Когда он взойдет туда, то последующее за этим будет исполнено для тебя веселия и радости. Надо тебе и то знать, что ум твой, находясь там, не должен молчать и оставаться в праздности, но иметь непрестанным деланием и поучением, никогда не преставая от него, молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Эта молитва, содержа ум невысящимся, соделывает его неприступным и неприкосновенным для прилогов врага, возводит к ежедневному преуспеянию в любви и желанию Божественных. Если же, много потрудившись, не возможешь взойти в страны сердца, как мы поведали тебе, то делай, что скажу, и найдешь искомое при содействии Божиим. Знаешь, что словесность каждого человека находится в его персях. Внутри персей при молчании уст наших говорим, совещаемся, совершаем молитвы, псалмопение. Этой словесности, отняв у нее всякий помысл – можешь это сделать, если захочешь, – предоставь говорить: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». И понудься вопиять это внутри персей вместо всякой другой мысли. Когда же некоторое время будешь поступать таким образом, тогда, при посредстве этого, отверзется тебе, без всякого сомнения, и вход в сердце, как мы написали, узнав это из опыта. Придет же к тебе с многожелательным и сладостным вниманием и весь лик добродетелей: любовь, радость, мир и прочие; ими оно исполнит все прошения твои о Христе Иисусе, Господе нашем».

К механизму, изложенному блаженным Никифором, святой Каллист и святой Игнатий Ксанфопулы присовокупляют, что при употреблении его должно иметь уста закрытыми. Они говорят, что новоначальный по отношению к безмолвной жизни должен заниматься молитвой Иисусовой по способу блаженного Никифора, непрестанно вводя ум в сердце тихо, при посредстве ноздренного дыхания, столько же тихо испускаемого, имея при том уста закрытыми. В молитвенном преуспевании действует сила и благодать Божия; они совершают все; пособия остаются пособиями, в которых нуждается наша немощь, и отвергаются как ненужные и лишние по стяжании преуспевания. Ксанфопулы говорят, что подвиг умной и сердечной молитвы «исправляется умом от осенения его помощью Божественной благодати и от единопомысленного», сердечного, чистого, непарительного, с верой призывания Господа нашего Иисуса Христа, а не от одного простого вышеизложенного естественного художества через ноздренное дыхание или от сидения при упражнении молитвой в безмолвном и темном месте – да не будет! Это изобретено Божественными отцами не для чего иного, как в некоторое пособие к собранию мысли от обычного парения, к возвращению ее к самой себе и ко вниманию.

Образ жительствова и безмолвия, которым преподобный Арсений достиг преуспевания, очень похвывается и предлагается к подражанию преподобный Исаак Сириным как образ весьма удобный, мудрый и многоплодный. Преподобный Арсений Великий постоянно наблюдал молчание, вообще удалялся от всех сношений, могущих нарушить его внимание, имел целью жизни и всех действий сохранение внимания.

Очень полезно научиться молитве Иисусовой, совершая ее с поклонами земными и поясными, полагая эти поклоны неспешно и с чувством покаяния. В церкви и вообще при упражнении молитвой Иисусовой полезно иметь глаза закрытыми и держать левую руку у персей, над левым сосцом груди, несколько повыше его; последний механизм способствует к ощущению силы словесности, находящейся в персях. Больные же и престарелые должны остерегаться излишнего телесного подвига, чтобы он не истощал силы их и не отнимал возможности заниматься подвигом душевным. Сущность делания – в Господе и имени Его.

Писания Отцов можно уподобить аптеке, в которой находится множество целительных лекарств; но больной, незнакомый с врачебным искусством и не имея руководителем врача, очень затруднится в выборе лекарства, приличествующего болезни его. Если же по самонадеянности и легкомыслию, не справясь основательно, за неимением врача, с врачебными книгами, больной торопливо решится сам на выбор и принятие лекарства, то выбор этот может быть самым неудачным. Лекарство, само собою целительное, может оказаться не только бесполезным, но и очень вредным. В положение, подобное положению такого больного, поставлены мы за неимением духоносных руководителей по отношению к писаниям святых отцов о тайнодействии сердечной молитвы и ее последствиях.

Преподобный Григорий Синаит говорит: «Ибо всякий проходящий излишне усиленный подвиг молитвы от слышания или учения погибает, как не стяжавший руководителя». Святые отцы упоминают, что многие, принявшись за делание молитвы неправильно, по способам, для которых они не созрели и были не способны, впади в самообольщение и умоповреждение.

Делания добродетели непременно должны соответствовать состоянию делателя, иначе они погубят делателя и сами погибнут, то есть предприняты будут бесплодно, во вред и гибель души, противоположно своему назначению; потому что пагубен для нас не только грех, но пагубно и самое добро, когда делаем его не вовремя и не в должной мере.

При особенном вещественном усилии к сердечной молитве начинает действовать в сердце теплота. Эта теплота есть прямое следствие такого подвига: всякий член человеческого тела, подвергаемый трению, разгорячается; то же делается и с сердцем от постоянного, продолжительного напряжения его. Теплота, являющаяся от усиленного вещественного подвига, также вещественна. Это – теплота плотская, кровяная, в области падшего естества.

Гораздо опаснее, гораздо ближе к прелести, когда подвижник, ощутив кровяную теплоту в сердце или груди, сочтет ее за благодатную, возомнит о ней, а потому и о себе нечто.

Должно стараться, чтобы молитва действовала в самой вершине сердца, где пребывает словесная сила, по учению Отцов, и где по этой причине должно быть отправляемо Богослужение. Когда Божественная благодать осенит молитвенный подвиг и начнет соединять ум с сердцем, тогда вещественная кровяная теплота совершенно исчезнет. Молитвенное священнодействие тогда вполне изменяется: оно делается как бы природным, совершенно свободным и легким. Тогда является в сердце другая теплота: тонкая, невещественная, духовная, не производящая никакого разжжения, напротив того, прохлаждающая, просвещающая, орошающая, действующая как целительное, духовное умащающее помазание, влекущая к неизреченному люблению Бога и человеков. Так учит об этой теплоте преподобный Максим Кавсокаливит из своего блаженного опыта.

Сердце человеческое имеет вид продолговатого мешка, кверху расширяющегося, книзу суживающегося. Оно верхней оконечностью, находящейся супротив левого сосца груди, прикреплено, а нижняя его часть, нисходящая к оконечности ребер, свободна; когда она придет в колебание, это колебание называется биением сердца. Многие, не имея понятия об устройстве сердца, признают свое сердце там, где чувствуют биение его. Приступая самочинно к упражнению сердечной молитвой, они устремляют дыхание, вводя его в сердце, к этой части сердца, приводят ее в плотское разгорячение, причем биение сердца очень усиливается, призывают к себе и навязывают себе неправильное состояние и прелесть.

Схимонах Василий, ссылаясь на святого Феофилакта и других отцов, утверждает, что три силы души: словесная, сила ревности и сила желания – расположены так: в персях и в верхней части сердца присутствует словесная сила, или дух человека; в средней – сила ревности; в нижней – сила желания, или естественное вожделение. Старающийся привести в движение и разгорячить нижнюю часть сердца, приводит в движение силу вожделения, которая, по близости к ней половых частей и по свойству своему, приводит в движение эти части. Невещественному употреблению вещественного пособия последует сильнейшее разжжение плотского вожделения. Какое странное явление! Повидимому подвижник занимается молитвой, а занятие порождает похотение, которое должно бы умерщвляться занятием; и неведение, злоупотребившее вещественным пособием, приписывает Иисусовой молитве то, что должно приписать злоупотреблению. Сердечная молитва происходит от соединения ума с духом, разъединенных падением, соединяемых благодатью искупления. В духе человеческом сосредоточены ощущения совести, смирения, кротости, любви к Богу и ближнему и других подобных свойств; нужно, чтобы при молитве действие этих свойств соединялось с действием ума. На это должно быть обращено все внимание делателя молитвы. Соединение совершается перстом Божиим, единым могущим исцелить язву падения; делатель же молитвы доказывает искренность произволения своего получить исцеление постоянным пребыванием в молитве, заключением ума в слова молитвы, деятельностью внешней и внутренней по заповедям Евангелия, содействующего дух способным к соединению с молящимся умом. При этом несколько способствует художественное направление ума к словесности и к верхней части сердца.

Упражняющиеся молением именем Господа Иисуса подвергаются особенным гонениям диавола. «Весь подвиг и все тщание нашего супостата, – говорит преподобный Макарий Великий, – заключается в том, чтобы мысль нашу отвратить от памятования Бога и от любви к Нему; для этого он употребляет прелести мира и отвлекает от истинного блага к мнимым, несущественным благам».

«Лукавые бесы, – говорит преподобный Нил Синайский, – ночью стараются возмущать духовного делателя через самих себя, а днем через человека, окружая его клеветами, напастьями и злключениями». Этот порядок в бесовской брани скоро усмотрится на опыте всяким делателем молитвы. Бесы ищут помыслами, мысленными мечтаниями, воспоминанием о

нужнейших предметах, размышлениями по видимости духовными, возбуждением заботливости, различных опасений и другими проявлениями неверия. При всех многообразных бесовских бранях ощущение смущения служит всегда верным признаком приближения падших духов, хотя бы производимое ими действие имело вид праведности. Подвижникам, уединенно и усиленно молящимся, бесы являются в виде страшилищ, в виде соблазнительных предметов, иногда в виде светлых Ангелов, мучеников, преподобных и Самого Христа; угроз бесовских бояться не должно, а ко всем вообще явлениям должно быть весьма недоверчивым. В таких случаях, которые, однако же, бывают нечасты, первейшая обязанность наша – прибегнуть к Богу, предаваясь всецело Его воле и прося Его помощи; на явления не обращать внимания и не входить в сношение и собеседование с ними, признавая себя немощными для сношения с духами враждебными, недостойными сношения с духами святыми.

Особенным скорбям и гонениям подвергается истинный, богоугодный подвижник молитвы от братии своей, человеков. И в этом, как мы уже сказали, главные деятели – демоны.

Упражнение молитвой Иисусовой, по самому свойству этого упражнения, требует непрерывного бодрствования над собою. «Благоговейная осторожность, – говорит преподобный Серафим Саровский, – здесь нужна по той причине, что *сие море*, то есть сердце с своими помыслами и пожеланиями, которое должно очистить посредством внимания, велико и пространно, *тамо гади, ихже несть числа*, то есть многие помыслы суетные, неправые и нечистые, порождения злых духов (Пс. 103, 25)».

«Как эта Божественная молитва, – говорит старец Паисий, – есть высший из всех монашеских подвигов, верх исправлений, по определению отцов, источник добродетелей, тончайшее и невидимое делание ума во глубине сердца, так сообразно этому поставляются невидимым врагом против нее невидимые, тонкие, едва постижимые для ума человеческого сети многообразных прелестей и мечтаний».

Вся сила и все действие молитвы Иисусовой истекает из поклоняемого и всемогущего имени Иисуса, имени единого *под небесем, о немже подобает спастися нам* (Деян. 4, 12). Возлюби волю Иисуса паче пожеланий плоти твоей, паче спокойствия и удобств твоих, паче жизни, паче души твоей.

Смирение есть тот единственный жертвенник, на котором дозволяется нам законом духовным приносить жертву молитвы, на котором принесенная жертва молитвы восходит к Богу, является лицу Его.

Смирение есть тот единственный сосуд, в который влагаются перстом Божиим благодатные дарования.

Займемся молитвой Иисусовой бескорыстной с простотой и прямою намерения, с целью покаяния, с верой в Бога, с совершенной преданностью воле Божией, с упованием на премудрость, благодать, всемогущество этой святой воли; облечемся в малословную, но обширного значения молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Аминь.

О пути соединения человека с Богом и о мире Христовом

Молитва есть возношение прошений наших к Богу. Основание молитвы заключается в том, что человек – существо падшее и потому молится. Хотя бы кто стоял на самой высоте добродетелей, но если он молится не как грешник, – молитва его отвергается Богом. Достоинство молитвы состоит единственно в качестве, а не в количестве. Качество истинной молитвы: когда ум во время молитвы находится во внимании, а сердце сочувствует уму.

Заклучай ум в произносимых словах молитвы и сохранишь его во внимании. Имей глаза на устах или закрытыми: этим будешь способствовать соединению ума с сердцем. Произноси слова с крайней неспешностью и будешь удобнее заключать ум в слова молитвы: ни одно слово твоей молитвы не будет произнесено, не будучи одушевлено вниманием.

Ум, заключааясь в слова молитвы, привлекает сердце в сочувствие себе. Это сочувствие сердца уму выражается умилением, которое есть благочестивое чувство, соединяющее в себе печаль с тихим, кротким утешением. Ум, предстоя внимательной молитвой перед невидимым Богом, должен быть и сам невидим, как образ невидимого Божества, то есть ум не должен представлять ни в себе, ни из себя, ни пред собою никакого вида – должен быть совершенно безвидным. Иначе: ум должен быть вполне чужд мечтаний, сколько бы ни казалось это мечтание непорочным и святым.

Внимание при молитве приводит нервы и кровь в спокойствие, способствует сердцу погружаться в покаяние и пребывает в нем.

Плоды истинной молитвы: святой мир души, соединенный с тихой, молчаливой радостью, любовь к ближним, любовь к Богу. Эти плоды – дар Божий. Они привлекаются в душу ее вниманием и смирением, хранятся ее верностью к Богу.

Кто небрежет об упражнении внимательной, растворенной покаянием молитвой, тот чужд преуспеяния духовного, чужд плодов духовных. Смирение есть единственный жертвенник, на котором дозволено человекам приносить молитвенные жертвы Богу, – единственный жертвенник, с которого молитвенные жертвы приемлются Богом; молитва есть мать всех истинных Божественных добродетелей.

Молитвенные правила удерживают молящегося в спасительном расположении к смирению и покаянию, научая его непрестанному самоосуждению, питая его умилением, укрепляя надеждой на Всеблагое и Всемилосердного Бога, увеселяя миром Христовым, любовью к Богу и ближним.

Утренние молитвы так и дышат бодростью, свежестью ума: увидевший свет чувственного солнца и свет земного дня научается желать зренья высшего, духовного Света и дня бесконечного, производимых Солнцем Правды – Христом.

Молитвенное чтение акафиста Сладчайшему Иисусу, кроме собственного своего достоинства, служит превосходным приготовлением к упражнению молитвой Иисусовой.

В акафисте Божией Матери воспето вочеловечение Бога Слова и величие Божией Матери, Которую за рождение Ею вочеловечившегося Бога ублажают все роды.

Великая милость Божия к человеку – учреждение общественных молитвословий в священных Божиих храмах. Эти молитвословия установлены апостолами, их святыми учениками и святыми отцами первых веков христианства по откровению свыше.

Божий храм есть земное небо: «В храме славы Твоея, Господи, стояще, на небеси стояти мним», – воспевают Святая Церковь.

Церковных молитвословий считается семь: 1) вечерня, 2) повечерие, 3) полунощница, 4) утреня с первым часом, 5) третий час, 6) шестой час, 7) девятый час. При этих молитвословиях желающий может весьма удобно обучиться умственной молитве: продолжительные монастыр-

ские молитвословия очень способствуют подвижнику перейти от устной молитвы к умственной и сердечной молитве.

Устной, гласной молитве, как всякой другой, должно непременно сопутствовать внимание. При внимании польза устной молитвы неисчислима. С нее должен начинать подвижник. Оглашается воздух внимательной устной и гласной молитвой – и приближаются святые Ангелы к молящимся и поющим, становятся в их лики, участвуют в их духовных песнопениях, как удостоились это зреть некоторые угодники Божии и между прочими наш современник блаженный старец Серафим Саровский. Многие великие отцы во всю жизнь свою упражнялись устной и гласной молитвой и при этом обиловаали дарованиями Духа. Причиной такого преуспевания их было то, что у них с гласом и устами были соединены ум, сердце, вся душа и все тело; они произносили молитву от всей души, от всей крепости своей, от всего существования своего, из всего человека.

Положим в основание молитвенного подвига, главного и существеннейшего между монашескими подвигами, для которого – все прочие подвиги, внимательную, устную и гласную молитву, за каковую милосердый Господь дарует в свое время постоянному, терпеливому, смиренному подвижнику молитву умную, сердечную, благодатную.

Под именем «поучения», или «памяти Божией», святые Отцы разумеют какую-либо краткую молитву или даже какую-либо краткую духовную мысль, к которой они приобучились и которую они старались усвоить уму и памяти вместо всякой мысли.

«Трезвитесь в молитве», – говорит святой апостол Петр, повторяя верующим заповедь Господа. *Трезвитесь, бодрствуйте, зане супостат ваш диавол, яко лев, рыкая, ходит, иский, кого поглотити, ему же противитесь тверди верою* (1 Пет. 5, 8). Повторяя и подтверждая эту всесвятую, спасительную заповедь, святой апостол Павел говорит: *Непрестанно молитесь* (1 Фес. 5, 17), *ни о чем же пецываете, но во всем молитвою и молением, со благодарением прошения ваша да скажутся к Богу* (Флп. 4, 6). *В молитве терпите* (пребывайте), *бодрствующе в ней со благодарением* (Кол. 4, 2). *Хощу убо, да молитвы творят мужие на всяком месте воздевающие преподобные руки без гнева и размышления* (1 Тим. 2, 8). *Прилепляясь же Господеву непрестанной молитвой, един дух есть с Господем* (1 Кор. 6, 17).

Из писаний преподобных иноков видно, что память Божия, или поучения, были в общем употреблении у иноков первенствующей Церкви Христовой. Преподобный Антоний Великий завещает непрестанное памятование имени Господа нашего Иисуса Христа. «Не предавай забвению, – говорит он, – имени Господа нашего Иисуса Христа, но непрестанно обращай Его во уме твоём, содержи в сердце, прославляй языком, говори: «Господи Иисусе Христе, помилуй меня». Также: «Господи Иисусе Христе, помози мне». Также: «Славословлю Тебя, Господь мой Иисус Христос»». Преподобный Исаак, безмолвник Египетского скита, поведал преподобному Кассиану Римлянину, что ему для непрестанной молитвы служит второй стих 69-го псалма: *Боже, в помощь мою вонми, Господи, помози ми потицися*.

От непрестанной молитвы подвижник приходит в нищету духовную: приучаясь непрестанно просить Божией помощи, он постепенно теряет упование на себя; если сделает что благопоспешно, видит в том не свой успех, а милость Божию, о которой он непрестанно умоляет Бога, потому что непрестанно молящийся начинает постепенно ощущать присутствие Бога. Это ощущение мало-помалу может возрасти и усилиться до того, что око ума яснее будет видеть Бога в Промысле Его, нежели сколько видит чувственное око вещественные предметы мира; сердце ощутит присутствие Бога.

Вооружающегося тайным поучением укрепляет Бог; Ангелы преподают ему силу; человеки прославляют его. Очень смущаются и молвят бесы, когда инок вооружает себя тайным поучением, которое заключается в молитве Иисусовой. Тайное поучение иссушает блуд, укрощает ярость, отгоняет гнев, отъемлет печаль, удаляет дерзость, уничтожает уныние. Тайное поучение просвещает ум, отгоняет леность. От тайного поучения рождается умиление, вселя-

ется страх Божий; оно приносит слезы. Тайным поучением доставляется монаху смиренномудрие нелестное, бдение благоумиленное, молитва несмущенная.

Непрестанно пребывай в имени Господа Иисуса, да поглотит сердце Господа, и Господь – сердце, и да будут сии два едино.

Кто с постоянством и благоговением занимается внимательной молитвой, произнося слова громко или шепотом, смотря по надобности, и заключая ум в слова; кто при молитвенном подвиге постоянно отвергает все помыслы и мечтания, не только греховные и суетные, но повидимости и благие, тому Милосердый Бог дарует в свое время умную, сердечную и душевную молитву.

Делателю молитвы необходимо узнать и увидеть действие страстей и духов на кровь его. Действие крови на душу вполне очевидно при действии страсти гнева и помыслов гнева на кровь, особенно в людях, склонных к гневу. Очевидно также действие крови на душу, когда кровь воспалится страстью блудной. Действие прочих страстей на кровь менее явное, но оно существует. Особенное внимание должно обратить на действие в нас тщеславия, которого действие на кровь очень трудно усмотреть и понять и которое доставляет человеку самое тонкое греховное наслаждение.

Когда подвижник Христов, по силе своей, возобладает движениями крови и ослабит действия ее на душу, тогда в душе начнут мало-помалу возникать духовные помыслы, движения, начнут являться уму тонкие Божественные разумения.

Святой Дух согревает человека духовно, вместе орошая и прохлаждая душу.

От блаженного действия Святаго Духа в человеке сперва начинает веять в нем необычная тишина, является мертвость к миру, к наслаждению его суетностью и греховностью, к служениям посреди его. Христианин примиряется ко всему и ко всем при посредстве странного, смиренного и вместе высокого духовного рассуждения, неизвестного и недоступного плотскому и душевному состоянию. Он начинает ощущать сострадание ко всему человечеству и к каждому человеку в частности. Сострадание переходит в любовь. Потом начинает усугубляться внимание при молитве его: слова молитвы начинают производить сильное, необычное впечатление на душу, потрясать ее. Наконец, мало-помалу сердце и вся душа двинутся в соединении с умом, а за душой повлечется в это соединение и самое тело. Такая молитва называется **умной**, когда произносится умом с глубоким вниманием, при сочувствии сердца; **сердечной**, когда произносится соединенными умом и сердцем, причем ум как бы нисходит в сердце и из глубины сердца воссылает молитву; **душевной**, когда совершается из всего существа, причем все существо содевается как бы едиными устами, произносящими молитву.

Святые Отцы в писаниях своих часто заключают под одно именование «умной молитвы» и сердечную, и душевную, а иногда различают их. Так, преподобный Григорий Синайский сказал: «Непрестанно зови умне или душевне». Но ныне, когда учение из живых уст об этом предмете крайне умалилось, весьма полезно знать определительное различие. В иных более действует умная молитва, в других – сердечная, а в иных – душевная, смотря по тому, как каждый наделен Раздаятелем всех благ: и естественных, и благодатных; иногда же в одном и том же подвижнике действует то та, то другая молитва. Такая молитва весьма часто и по большей части сопутствуется слезами. Человек тогда отчасти познает, что значит блаженное бесстрастие. Он начинает ощущать чистоту, а от чистоты – живой страх Божий, снедающий дебелость плоти наводимым странным, доселе неизвестным человеку, ужасом от ясного ощущения предстояния своего перед Богом. Христианин вступает в новую жизнь и новый подвиг, соответствующие его обновленному душевному состоянию.

Возлюбии Господа Бога твоего, – повелевает Бог, – всем сердцем твоим, и всею душою твоею, всеюмыслию твоею (Мф. 22, 37). Ум, сердце, душа, тело, доселе рассеянные грехом, внезапно соединяются воедино о Господе.

Первое из духовных дарований, которым и производится чудное соединение, есть мир Христов. За миром Христовым последует весь лик даров Христовых и плодов Святого Духа, которые апостол исчисляет так: *любь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5, 22—23).

Подвижник, достигший чистой молитвы, начинает посвящать упражнению в ней много времени, часто сам не замечая того. Вся жизнь его, вся деятельность обращается в молитву.

Призываемый сердечной молитвой Христос ниспосылает в сердце духовную силу, называемую **миром Христовым**. *Мир Божий*, – говорит апостол христианам, – *превосходяй всяк ум, да соблюдет сердца ваша и разумения ваша о Христе Иисусе* (Флп. 4, 7). Такова сила мира Христова. Святой мир, при обильном действии своем, наводит молчание на ум и к блаженному вкушению себя влечет и душу, и тело. Христианин, держимый и хранимый святым миром, содевается неприступным для супостатов: он прилеплен к наслаждению миром Христовым и, упиваясь им, забывает наслаждения не только греховные, но и все вообще земные, и телесные, и душевные. Действием в человеке Святого Духа мир Христов, возвещает, что помыслы человека вступили в всесвятую область Божественной Правды и Истины, что Евангелие принято его сердцем. Мир Христов содевает человека и храмом, и священником Бога Живаго.

С необыкновенной ясностью и простотой изображено учение о Христовом мире, показана высота и важность этого дара в духовных наставлениях Серафима Саровского – там все снято с сердечного опыта святого: «Когда ум и сердце будут соединены в молитве и помыслы души нерассеяны, тогда сердце согревается теплотой духовной, в которой воссиявает свет Христов, исполняя мира и радости своего внутреннего человека. Ничтоже лучше есть во Христе мира, в нем же разрушается всякая брань воздушных и земных духов».

Мир Христов есть источник непрестанной умной, сердечной, душевной, благодатной, духовной молитвы; молитвы, приносимой из всего существа человеческого действием Святого Духа; мир Христов есть постоянный источник благодатного, превышающего ум человеческий смирения Христова.

Можно ли пребывать в Господе иначе, как не соединившись с Ним чистой молитвой? Тщательной, с терпением и понуждением себя совершаемой, внимательной молитвой приобретаются и благодатная молитва, и благодатное смирение. Податель их – Дух Святый, податель их – Христос.

Когда же, по неизреченному милосердию Божию, ум начинает соединяться в молитве с сердцем и душой, тогда душа, сперва мало-помалу, а потом и вся начнет устремляться вместе с умом в молитву. Наконец, устремится в молитву и самое бренное наше тело, сотворенное с вожделением Бога, а от падения заразившееся вожделением скотоподобным. Тогда чувства телесные остаются в бездействии: глаза смотрят и не видят; уши слышат и вместе не слышат. Тогда весь человек бывает объят молитвой: самые руки его, ноги и персты несказанно, но вполне явственно и ощутительно участвуют в молитве и бывают исполнены необъяснимой словами силы. Человек, находясь в состоянии мира о Христе и молитвы, не доступен ни для каких греховных помыслов. Душа ощущает, что приближается к ней супостат; но молитвенная сила, ее наполняющая, не попускает врагу приблизиться и осквернить храм Божий. Молящийся знает, что приходил к нему враг, но не ведает с каким помыслом.

При соединении ума с душой всего удобнее заниматься памятью Божией, в особенности молитвой Иисусовой. Да будет главным твоим делом молитва и чтение святых книг. Если же ты ощутил, что соединился ум твой с душой и телом, то храни со всевозможным тщанием дар Божий. Священный мир, как веяние Святого Духа, тонок, немедленно отступает от души, ведущей себя неосторожно в присутствии его, нарушающей благоговение, нарушающей верность послаблением греху, позволяющей себе нерадение. Вместе с миром Христовым отступает от недостойной души благодатная молитва, и вторгаются в душу, как гладные звери, стра-

сти, начинают терзать самопредавшуюся жертву, предоставленную самой себе отступившим от нее Богом.

Если ты пресытишься, а в особенности упьешься – святой мир перестанет в тебе действовать. Если разгневаешься – надолго прекратится его действие. Если позволишь себе дерзость – он перестанет действовать. Если возлюбишь что земное, заразишься пристрастием к вещам, к какому-либо рукоделию или особенным расположением к человеку – святой мир непременно отступит от тебя. Если попустишь себе услаждение блудными помыслами – он надолго, весьма надолго оставит тебя, как не терпящий никакого зловония греховного, в особенности блудного и тщеславного. Поищешь его и не обрящешь. Восплачешь о потере его, но он не обратит никакого внимания на плач твой, чтобы ты научился давать дару Божию должную цену и хранить его с подобающими тщательностью и благоговением.

Нищета духовная сохранит в тебе дар благодати и оградит от всех вражеских козней и обольщений: *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19).